

ПАВЕЛ ПРОКОФЬЕВ

Легенды Агроникса. Серебряный Лис

Павел Прокофьев

**Легенды Агроникса.
Серебряный Лис**

«Издательские решения»

Прокофьев П. П.

Легенды Агроникса. Серебряный Лис / П. П. Прокофьев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906451-6

Он — Легенда. Им восхищаются друзья, его страшатся и уважают враги. Перед его храбростью отступают армии. Но даже Легенде порой приходится противостоять слепым ударам Судьбы, под оглушительный Смех Богов. Озрику, графу Сильверфокс по прозвищу Лис, чье имя известно во всех уголках обитаемого мира, предстоит узнать, насколько злобным бывает жестокий Фатум и познать, что сильнее: любовь или предательство, золото или помощь верных друзей, пройти тернистым путем от любви до смерти и обратно.

ISBN 978-5-44-906451-6

© Прокофьев П. П.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	8
Перевал	8
Глава 2	21
Оргос	21
Глава 3	33
Таэр	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Легенды Агроникса. Серебряный Лис

Павел Петрович Прокофьев

© Павел Петрович Прокофьев, 2018

ISBN 978-5-4490-6451-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Этот мир золотым покрывалом одет,
Инкрустирован мрамором древних гробниц,
Там, где магия света – защита от бед,
Будет магией боя – свет новых зарниц
Будет петь тетива в полуночной тиши,
И в овраге – поблескивать древно копы.
В волчьей шкуре колдун прочь, во тьму, заснешит,
И оденутся в лед голубые моря
Этот мир будет лучше под куполом неба,
И дороги покроются пылью веков.
Будет нам все равно, это был или не был,
Будут руки в следах от разбитых оков
Будет грудь разрываться от слез и желаний,
Мы в чащобе отыщем дорогу за Край.
Этот мир – только сон, но когда-нибудь станет,
Настоящим он, времени каплю лишь дай
Помоги же ему, мчись в объятья Рассвета,
В новый путь заплетется твой гаснущий след.
У дороги цветы – символ нового лета,
Лепестками прошепчут твой Новый Завет...*

Илунга из рода Совы

«Ибо нехрен!»

Неизвестная доллийская контрабандистка

Пролог

Ночной разговор

– Что было дальше? – Озрик смотрел сквозь Ратмира невидящими глазами.

– Дальше... Дальше я шел за ними сквозь Великий Лес. Дважды пытался отбить твою жену – без толку. Её стерегли не только увальни Трора, но и рейдеры Лиги. Да и опаивали её постоянно каким-то зельем, Анариэль всю дорогу спала.

– Значит и Сумраки! – Озрик еще более потемнел лицом и так стиснул нож, что костяная рукоятка жалобно хрустнула.

– Во второй раз меня едва не прикончили, – продолжил Ратмир, не глядя на брата. – Пришлось уходить в Дагор, к тамошним целителям обращаться, – он глянул на свою руку, где от пальцев через всю кисть шел, теряясь в рукаве, широкий, рваный шрам. – Я вернулся через

месяц, но уже ничего не смог сделать. На месте замка возвышалась новая крепость гномьей работы. Мощная и хорошо охраняемая. Брата едва от штурма отговорил...

– Этель хотел штурмовать крепость Трора?

– Да. Рвался отомстить за тебя и вернуть захваченные земли. Пришлось сказать, что мстить не за что.

– Ты сказал ему, что я жив?! – в голосе Озрика прорезался металл. – Как ты посмел!

– А лучше если бы он голову сложил под этими стенами? – Ратмир выпрямился и твердо взглянул в глаза Озрику. – И положил всех наших людей?

Несколько мгновений они мерялись взглядами. Наконец Озрик отвел глаза.

– Ты прав, – глухо сказал он, глядя на пламя свечи, – но Трор не успокоится, пока не отыщет меня, если узнает, что я жив. Я для него, что бельмо на глазу.

– Так может тебе найти его первым? – Ратмир пристально смотрел на брата, и Проводнику становилось не по себе. Никогда в жизни Ратмир не видел Озрика таким: сломленным, безмерно уставшим. Плечи его опустились, глаза будто потухли, и от всей фигуры веяло безысходностью.

«Лесной Отец, да что ж это делается то, он же вот-вот сломается, – с ужасом думал Ратмир, привыкший видеть брата железным, негибачимым человеком.

– Все тлен..., все прах, – тихо сказал Озрик, – что мне в мире, если она отказалась от меня. Какое я имею право разрушать её счастье и идти против её выбора...

– Озрик! Да очнись же ты! – взорвался Ратмир, не заметив, что перешел на крик, чего никогда раньше не позволял себе при разговоре с братом. – Какой к демонам выбор?! Какое счастье?! Да её зельем опоили и несли как чушку дубовую! Ты что думаешь, дочь Владыки от слова своего, любимому человеку данного, отказаться может как девка портовая...

– Окстись! – рявкнул Озрик впиваясь взглядом в Ратмира, – не по своей воле Анариэль женой моей стала...

– Ой, да не смейся, Озрик! – треснул кулаком по столу Ратмир. – Невозможно эльфийку против её воли на такое согласиться заставить. Ни у кого никогда такое не получалась. Она же тебя любит дубина ты репоголовая! Любила всегда и любит до сих пор! Хоть и считала, что ты мертв.

– Что?! – Озрик вскочил, опрокинув скамью и тяжело отперевшись на столешницу, наклонился к самому лицу Ратмира. – Откуда..., – голос графа сбился до сиплого шепота, – с чего ты это взял?!

Ратмир отшатнулся, мгновенно остывая. Озрик был страшен. Тело его напряглось как сжатая пружина, пальцы сжали край стола так, что затрещала доска, лицо пошло пятнами, в глазах загорелся лихорадочный блеск.

– Когда я был у стен крепости, её вывели на прогулку...

– Вывели? – голос Озрика упал до глухого рычания

– Да. Её выводят под стражей. Видимо боятся, что сбежит или руки на себя наложит. Стражники на мгновение отвлеклись, я ей и показался. Открыл свой разум..., так что Анариэль знает, что ты живой.

Озрика качнуло, он, слепо шаря рукой, едва нашел, на что сесть.

– На следующей прогулке она сбросила со стены вот это, – Ратмир протянул брату красную ленту, ту самую, что Озрик разорвал и отдал обратно посланцу Трора. Только теперь лента была крепко сшита и связана в кольцо.

– А письмо то – подлог... Градмир рассказал, когда от чар очнулся, что Таэль навел, письмо Трору писано было, чтоб отстал, а оно вон как обернулось...

Озрик сжал голову руками и застонал раненым зверем.

Ратмир отошел к окну, давая брату время прийти в себя. Глядя в ночную темноту, он ждал... Озрик молчал долго, так долго что, казалось, пропал вовсе, оставив Ратмира одного в горнице. Наконец, когда Ратмир уже решил повернуться, Озрик нарушил тишину:

– Что с моими людьми? – голос брата был сух как пустыня и холоден как лед.

Ратмир повернулся и порывисто вздохнул, поражаясь произошедшей перемене. От безысходности не осталось и следа, Озрик сидел хмурый, злой и готовый к схватке.

– Все живы. Успели перейти гребень до подхода Трора и его людей. Мизгирь по-прежнему сотник дружины у нашего брата, Эванс там же. Саид ушел к своим, а Градимир подался в отшельники. Винит себя в том, что не смог графиню уберечь и тебя подвел.

– Этель?

– Ждет. Готов передать титул и земли. Трудновато ему на хозяйстве, но он справляется.

– Ты?

– Я как всегда, – усмехнулся Ратмир. – Я с тобой, брат.

Озрик молчал, Ратмир тоже. Потрескивала, догорая, свеча на столе. За окном перекликались совы. В ночной тишине, в круге света сидели два человека, два брата. Один погруженный в свои мысли, другой ожидающий решения. Мгновения медленными каплями падали в чашу вечности, и мир совершал свой круговорот, не замечая людей, погруженных в молчание. Предутренный ветер донес далекий и тоскливый волчий вой и Озрик словно очнулся.

– Ложись спать Ратмир, утром решим, что делать. Завтра наступит время перемен.

Засыпая, Ратмир слышал тяжелые шаги Озрика, вышагивающего по комнате из угла в угол.

«Что за зараза такая – любовь. Упаси Лесной Отец от такого» – подумал он, услышав как, с протяжным звоном, сломался нож, что был в руках у брата...

Сломав нож, Озрик бросил обломки на стол и уткнулся лбом в притолоку окна. Пустоты, что была в нем, с которой он уже успел сжиться, не было. Теперь место пустоты заняла боль, сердце пронзительно ныло, да жгла руку туго повязанная Алая Лента.

Глава 1

Перевал

Покрытые пылью всадники выехали к замку сразу после полудня. Замок был стар и сильно запущен. Зубцы стены искрошились, вал оплыл, был усеян промоинами от дождей, предполье заросло кустарником. Однако ворота были плотно закрыты, а на башне, мелькая меж зубцами стрелковой площадки, блестел шлем стражника.

– Эй! На башне! – надсаживаясь, крикнул передовой всадник. – Открывай ворота!

– Кто такие!?! – донеслось в ответ.

– Его сиятельство граф Озрик! Демоны тебе в печень, открывай, олух! – крикнул всадник, разворачивая штандарт с серебряным лисом на зеленом поле.

– Ох, ты ж, Отец Лесной! – по-стариковски воскликнул часовой и, перегнувшись через парапет, закричал в замковый двор. – Робяты! Открывайте воротину, да поживей! Сам граф приехал!

Лязгнули запоры. Натужно заскрипели древние петли и тяжелые, дубовые створки, обитые потемневшей от времени бронзой, распахнулись.

Кавалькада втянулась под гулкие своды надвратной башни, заполняя не сильно большой двор замка лошадьми, людьми, ржанием, гулом голосов и звяканьем поклажи. Пока всадники спешивались и расседывали лошадей, слух о приезде графа облетел замок, собрав всю немногочисленную челядь в главном зале, в ожидании хозяина.

Первым, в распахнутые двери, вошел граф Озрик, высокий, широкоплечий и светловолосый он стремительно шел через зал, на ходу отряхивая покрытый пылью дорожный камзол, оживленно беседуя с идущей рядом женщиной. Позади графа толпой валили воины, сопровождавшие его в поездке.

Граф остановился возле большого стола, кивком ответил на поклоны слуг.

– Саид!

Рядом с графом тотчас возник смуглолицый воин в тюрбане, короткой куртке покрытой затейливым узором и шароварах. На наборном поясе покачивалась сабля в изукрашенных ножнах и кривой кахарский кинжал.

– Найди мне управляющего и поставь пару кметей на воротах.

– Будет исполнено, – Саид приложил руку к сердцу и коротко поклонился, – Лоор! Риг! К воротам! Где управляющий?! Немедля к его светлости!

Сквозь челядь протолкался высокий и тощий как жердь человек, торопливо отряхивающий и поправлявший одежду. Рубаха его была замызганной, а криво сидящий камзол лоснился потертостями и застарелыми пятнами. Приблизившись к графу, он оставил попытки привести свой гардероб хотя бы в относительный порядок и склонился в низком поклоне.

– Имя!

– Мелвил, Ваша Светлость, – ответил управляющий, поднимая глаза на графа и осторожно поправляя редкие, тонкие волосы, упавшие на лицо во время поклона.

– Мне что, тебя на воротах вздернуть, скотина! – громыхнул граф, меряя несчастного управляющего яростным взглядом. – Ты до чего мой замок довел, шкура!

– Ваша Светлость – Мелвил содрогнулся и отступил на полшага перед грозным хозяином, – местность пустынна, крестьян мало и рабочих рук не хва...

– Молчать! – рявкнул граф и вислые усы его грозно встопорщились. – Платить людям надо! Платить уложенное, а не гнать трудников на повинность! – граф схватил управляющего за грудки и встряхнул как тряпичную куклу. – Я зачем сюда деньги слал?! Что бы ты их пропил

али в кубышку затолкал?! – голова Мелвила болталась при каждом встряхивании, будто хребта у него не было вовсе. – Я тебя в яме сгною! На цепи будешь сидеть! – граф, наконец, выпустил несчастного, кулем упавшего на пол. – Саид! Тащи его на конюшню и десять плетей отмерь!

Воин тут же схватил несчастного управляющего за шкирку, встряхнул как коврик, заставив вскочить на ноги.

Женщина, что до сего момента молча стояла подле графа, шагнула вперед и положила свою руку ему на плечо.

– Стоит ли так жестоко наказывать несчастного Мелвила? – спросила она мелодичным голосом – Он, несомненно, виноват. Но осознал уже свою вину и жаждет все исправить.

– Анариэль, дорогая! – ответил граф, все еще фыркая нерастраченным гневом – Коли всех вот так прощать, так совсем страх перед господином потеряют и обленятся не меряно. Я знаю, что твое милосердие воистину безгранично, но Мелвил будет наказан! – рыкнул граф в сторону управляющего и тот рухнул на колени.

– Я не спорю, однако любое наказание должно соответствовать тяжести проступка, – Анариэль слегка улыбнулась и взяла графа за руки, – он же не крал эти деньги, а берег их как умел.

– О, Великий Дух! – воскликнул граф, но было видно, что гнев его утекает как вода из дырявой бочки, – ладно. Саид, пять плетей ему и шкуру не портить, – Озрик снова посмотрел на управляющего, – а ты молись Великому Духу и благодари госпожу! Но если еще раз...! Пеняй на себя! Прочь!

Мелвил бормоча слова благодарности, поднялся на ноги, и вяло поплелся к выходу, направляемый железной рукой Саида.

– Так, – граф задумчиво посмотрел на оставшихся слуг, – накройте стол, мы голодны с дороги! И приберите мои покои! – слуги кинулись в рассыпную, а граф, ведя под руку супругу, подошел к окну.

– Мне, право, неловко, дорогая, – сказал граф, обнимая жену, с упоением вдыхая запах её волос. Вот уже пять лет он был женат на Анариэль, дочери Аэра, Владыки Эльфов Агроникса, но не уставал дивиться умению неизменно превосходно выглядеть в любой ситуации. Вот и сейчас графиня была свежа, как будто не было долгой и утомительно скачки по трудным горным дорогам. От Анариэль веяло свежестью, светлые, мягкие волосы, схваченные золотым обручем, ничуть не растрепались, в больших, чуть раскосых, глазах мелькали веселые искорки. Охотничий костюм, идеально сидевший на стройной фигуре, был чист, и даже красные сапожки блестели, словно только что начищенные. Хотя сам граф и его воины были изрядно запачканы дорожной грязью и пылью. – Тебе следовало остаться с обозом. Я хотя бы, успел привести замок в должный вид. Да и безопаснее там. Со мной ведь только дюжина дружинников...

– Не стоит, Озрик, – ответила графиня, проводя рукой по его щеке. – Я хочу быть с тобой, где бы ты ни был. И потом, приехав сюда позже, что бы я увидела? Толпу запуганных насмерть слуг и тебя взьерошенного и злого как пещерный тролль? – Анариэль засмеялась. – Нет уж. Надо что бы хоть кто-то тебя сдерживал.

– Ваши светлости!

Супруги оглянулись, перед ними, в поклоне застыл слуга:

– Трапеза готова.

– Пойдем, – Озрик кивком головы отослал слугу, – я голоден как волк. Да и время им надо дать, комнаты в порядок привести. А то я точно кого-нибудь прибую.

– Все! Привал! – Ратмир сбросил тяжелый мешок на землю под раскидистой сосной и вытащил топор, – дальше не будет удобного места.

– Ты – Проводник, тебе видней, – пожал плечами Озрик, распуская ремни на своем мешке...

На сборы братьям много времени не понадобилось. Оружие, кое-какой инструмент, смена одежды, еда на первое время – все это уместилось в туго набитых дорожных мешках. Едва взошло солнце, как Ратмир с Озриком тронулись в путь к Срединному хребту, отделявшему страну Россавов от остального мира. Здесь, где Сила Россавов гасила любую магию, нельзя было войти в Великий Лес, и путникам предстояло преодолеть полтораста верст до хребта и еще полсотни предгорьям и горам через Печальный перевал в страну Вархов.

– Ты решил, куда двинемся после Печального? – спросил Ратмир, рубя топориком набранный валежник. Озрик же, пристроив над костром котелок с водой, потрошил подстреленного Ратмиром кролика.

– Сначала в Кирк. Оттуда к Шести Островам, – ответил Озрик, сноровисто кроша в котелок мясо для похлебки.

– Что мы там забыли?

– Я должен сообщить Аэру, что случилось с его дочерью, – разом помрачнев, ответил Озрик.

– Надеешься на помощь тестя?

– И это тоже. Эльфийские лучники в войске еще никому не мешали, – Озрик глубоко вздохнул, – да и должен я сказать Аэру, что не уберег его дочь от беды.

– Опять начинаешь? – нахмурился Ратмир.

– Нет. Традиция у них такая, – безразлично пожал плечами Озрик.

– Ну, хорошо. Допустим, он тебя не казнит за любимую дочку...

– Его право.

– ...Допустим, даже даст воинов. Дальше что? Трора просто так не взять. Он то ли клад драконий раскопал, то ли на жилу богатую вышел, но золота у него куры не клюют. Он себе ни в чем не отказывает, и крепость крепкая, хоть и не скажешь по виду, и припасов много и наемников в достатке.

– Я это и предполагал, – кивнул Озрик, – да только и у меня есть к кому обратиться.

– А сдюжим?

– Сдюжим. Он столько натворил, пока за Анариэль гонялся, что на пятерых хватит. Сколько у него воинов?

– Ну, сейчас в крепости примерно сотня – полторы, еще по Долине да заставам сотня наберется. Узнает о тебе – будет нанимать еще. Сотен пять я думаю, наберет. Только нам от сего не легче, нам стены брать, вдвое, а то и втрое супротив его гарнизона надо.

– Вот поэтому после Шести Островов пойдем к Кривому Кряжу, не сразу и не напрямую, но именно туда.

– К гномам?! Рехнулся?! Они ж тебя в момент в своих пещерах и закопают! Достанет там у Трора друзей для сего дела! – Ратмир напрягся, точно собрался броситься на брата, связать его и отнести обратно в селение Волков.

– Успокойся, сразу и дуром я туда не полезу. Есть способ. Гномы народ прямой и справедливый. Я потребую собрать суд старейшин. А обвинения в сторону Трора для этого более чем серьезные.

– Например? – спросил Ратмир, все еще подозрительно глядя на брата.

– Например? – Озрик откинулся на траву и уставился в небо. – Например, он похитил и удерживает силой высокородную эльфийку. Это самое тяжелое, пожалуй, обвинение. Гномы такое спустить не могут, ибо действия Трора нарушают Ордосский мирный договор. Обвинение может предъявить герольд Владыки Эльфов, поэтому-то и надо попасть на острова.

– А если Аэр не согласится?

– Тогда обвинить могу я! Как законный супруг и член дома Аэра!

– Ладно, допустим, – сказал Ратмир, примирительно поднимая руку с ложкой, которой он помешивал похлебку, – дальше что?

– Нарушение того же договора, но уже с Империей, – Озрик нахмурился и сжал кулаки. – Нападение на подданных Императора! Захват земель Империи! В конце концов, он поправил обычай побратимства, и я могу требовать боя насмерть!

– Ладо, не кипятись. Лучше поснедай, а то остынет, – Ратмир разлил варево по мискам и нарезал хлеба.

Некоторое время прошло в молчании, усталые путники с удовольствием поглощали наваристую похлебку.

– В конце концов, можно попросить помощи у Княжгорода, лихих молодцов там много. Да и в ордене Храма, тоже не думаю, что очень довольны самоуправством Трора.

– Все можно, но гномы нужны сугубо, – в сгустившейся темноте блики огня делали лицо Озрика похожим на жуткую маску, – даже если не выступят с нами, то хотя бы останутся в стороне...

С утра они двинулись дальше по хоженным тропам, сквозь светлые сосновые леса предгорий, с каждым днем поднимаясь все выше и выше, туда, где неприступная стена гор прогнулась седловиной перевала, открывая путь в страну Вархов, к морскому побережью.

Уже сошли на нет леса, кончился чахлый кустарник, все чаще попадались покрытые снегом проплешины и ветер уныло завывал среди каменистых пустошей, когда на шестой день пути Озрик с Ратмиром подошли к устью перевала.

– А почему он называется Печальным? – спросил Ратмир, переводя дыхание.

– А ты прислушайся, – ответил Озрик, глядя на угрюмое ущелье.

В тиши раздавались протяжные, тоскливые звуки, будто кто-то оплакивал здесь свою злую судьбу, вечно жалуясь небесам на несправедливость мира.

– Ого! Это что, ветер так? – застыл Ратмир с открытым ртом.

– Ветер. – Озрик оглянулся назад, туда, где в туманной синеве лежала страна Россавов. – У нас говорят, услышать, как плачет ветер в Печальном перевале к удаче.

– Она нам понадобится. Пошли.

Путники вступили на перевал. Тропа стала шире и плавно вилась между серых стен, обходя валуны и трещины. Ущелье вело на юг, едва заметно поворачивая к западу и не было в нем ни кустика, ни клочка травы, никого живого. Только серый камень и песок под ногами, только ветер, упрямо несущий песок вдоль стен и рождающий почти человеческие стенания и плач.

Братья шли в полном молчании, не решаясь вести разговоры в этом месте, словно опасаясь, что их слова подхватит ветер и, отразив их от серых стен, вплетет новой жалостной нотой в общий хор.

Ратмир смотрел на Озрика, широко шагающего впереди, и ясно представлял себе его лицо: сведенные в дугу широкие брови, жестко суженные глаза, плотно сжатые губы и закамневшие скулы. Таким Ратмир помнил брата в самые важные моменты жизни, о таком Озрике ходили легенды. О битве с кахарцами на Черном Берегу, где императорские гвардейцы три дня сдерживали натиск конников Кахара, положив возле моста через реку весь полк Бешенных. После чего, в отчаянной атаке прорвали центр вражьего войска и перебили почти всех полководцев султана. Гвардейским полком командовал тогда Озрик. После этого боя суровые воины гвардии раз и навсегда признали за Озриком право командовать и готовы были идти за ним в любое пекло. Что и доказали много позже, когда три сотни гвардейцев, прорвавшись к окруженной графской дружине, в битве на Вересковых холмах, вынесли своего бывшего капитана, тяжело израненного, на собственных щитах, окружив тройной живой стеной. Оцетинившись мечами и копьями, рубя всех, кто дерзнул заступить им путь, гвардейцы с дружинниками графа

прорвались к своим, попутно смяв строй на фланге орочьей орды. Сдав, едва живого, графа на руки лекарям, воины развернулись и в ярости втоптали остатки орков в грязь, разметав по окрестным каменистым склонам.

Таким был Озрик, когда ради Этеля, наперекор отцу, отправился в одиночку к злейшему врагу их рода, тану Граделу и смог не только сосватать за Этеля единственную дочь тана, но и прекратить давнюю вражду, открыв торный путь караванам по Северному Взморью.

Таким был Озрик, когда в яростном споре с отцом отстаивал право Ратмира выбирать себе дорогу в жизни самостоятельно и стать в итоге Проводником, когда вызвался ехать с посольством к эльфийскому владыке и смог-таки заключить взаимовыгодный договор с беспокойным анклавом.

И, наконец, таким он был, когда шесть лет назад уговорил Императора вмешаться в свару между гномами и эльфами. И сам с сотней гвардейцев, вклинился на бранном поле между готовыми сойтись гномьим хирдом и эльфийским ополчением. Не дал разразиться кровавой сече и настоял на переговорах между эльфами и гномами. Наградой за это стало уважение гномов, признание эльфов и рука Анариэль, старшей дочери Владыки Аэра.

Такой Озрик куда больше нравился Ратмиру, чем тот, которого он нашел неделю назад в селении Черных Волков...

Стены ущелья постепенно сошли на нет, пологий спуск стал круче и тропа, соскочив с последнего увала, скрылась предгорных перелесках.

– Ну, вот и Изумрудный Каскад, – нарушил, наконец, молчание Озрик.

Они стояли на последнем скальном уступе, глядя на поросшую зеленью долину, изрезанную десятками рек, речушек и ручьев, бравших свое начало у ледников Срединного хребта.

– Когда ты сможешь открыть Вход?

– Скоро, – Ратмир прислушался к своим ощущениям. – Дойдем до той рощи, там можно. Только зачем? До тракта на Кирк дня два пути, а там лошадей можно на станции взять.

– Спешить нужно, сейчас каждый час на счету, – Озрик коснулся алой ленты на правой руке. – Боюсь не успеть...

– Думаешь, что она может тебя не дожидаться? – Ратмир уже дошел до первых деревьев и скупыми, выверенными жестами открывал вход в Великий Лес.

– Нет, не то..., – Озрик поморщился и яростно потер подбородок, заросший колючей щетиной. – Анариэль знает, что я жив, но не знает, что я иду за ней.

– Так ведь ждет, раз знак прислала.

Вход в Великий Лес, наконец, открылся. Чаща впереди будто подернулся рябью, и деревья за этой пеленой стали много выше, краски заиграли ярче, словно солнце посветило каждый лист, тонко потянуло свежестью и прелью. Ратмир критически оглядел содеянное и, взяв Озрика за руку, шагнул под сень Леса.

– Любое терпенье имеет предел, – ответил Озрик, настороженно озираясь по сторонам.

– Иди спокойно и не напрягайся, – сказал Ратмир, заметив настороженность брата, – страховидлов всяких, да и просто зверья здесь не встретишь, опасности никакой. Только вот без Проводника сюда не попасть, да и обратно не выйти... Ты бы ей знак какой подал что ли, что бы знала и ждала.

– Знак... знак... – Озрик вновь поскреб подбородок. – Остановиваться-то здесь можно?

– Можно, но не стоит. Скоро выходить уже, – Ратмир посмотрел на небо, почти скрытое пологом леса, затем на стену деревьев впереди, словно определяя где выход. – А что?

– Достать кое-что из мешка надо, – Озрик покосился на алую ленту. – Когда дойдем до Кирка, я отправлюсь к Шести Островам, а ты – к Этелю. Весть подать, чтобы дружину собирал. Ну и передашь кое-что по дороге Анариэль.

– Лесной Отец!! Как?!

– Что-нибудь придумаешь! Она же смогла мне весточку отправить...

– Слушай! Одно дело ленту, со стены сброшенную, подобрать. Другое – на эту стену что-либо закинуть! Да так что бы кому надо попало!

– Ратмир! – мир перед ними снова подернулся рябью, и Лес выпустил их на вершине холма неподалеку от большого портового города.

– Ратмир! – Озрик положил руку на плечо брата и развернул его к себе лицом. – Я редко просил тебя о чем-то. Сейчас я прошу. Я должен знать, что она дождется меня!

Ратмир угрюмо молчал. Озрик скинул мешок на землю, распустил завязки и с самого дна достал небольшой сверток.

– Ты что-нибудь придумаешь, я знаю. Хотя бы издали покажи ей. – Озрик развернул тряпицу, внутри оказался изящный перстень – два золотых листа переплетенных черенками и поддерживающих искусно ограненный в виде капли сапфир.

– Матушкин перстень, – сказал Ратмир, глядя на блестящее украшение, – тот самый, что ты ей подарил.

– Тот самый, Анариэль уходя, отдала его мне, – ответил Озрик, не сводя глаз с перстня, – сказала, наденет, когда все кончится, и я приду за ней. Она поймет, что я за ней иду! Ратмир, брат, прошу...

Ратмир хмуро глянул на Озрика, пнул камень и едва слышно выругался.

– Ладно, орк с тобой, давай, – он сгреб перстень с ладони брата, завернул и спрятал за пазуху, – что смогу сделаю. Ты сам-то уверен, что надо идти к эльфам одному?

– Уверен, – Озрик затянул мешок и вскинул на плечи, – времени куда меньше чем нужно, нам еще до другого края земли дойти придется.

Озрик сжал руку брата.

– Жди меня через месяц в Таэре, в таверне «Золотой Тур».

– Удачи, брат, – ответил на пожатие Ратмир и, глядя как Озрик легким, размеренным шагом спускается с холма в сторону города, добавил, – храни тебя Лесной Отец.

Хорошо жить в богатом торговом городе, еще лучше, когда город этот Вольный и сам себе хозяин. Здесь нет суровой императорской стражи, которая дубинками внушает уважение к закону Империи любому, кто посмеет усомниться в его справедливости, не важно правому или виноватому. Нет мытарей, тянущих последнюю рубаху с ремесленного люда, купцов и капитанов, из всех, до кого могут дотянуться. Нет спесивых нобилей и лордов, что смотрят на простой люд как на грязь, усмехаясь, когда дюжие слуги плетьюми расчищают им дорогу в толпе. Здесь каждый предоставлен сам себе и каждый выбирает сам, что ему делать и куда силы тратить. Здесь нет привычки совать нос в дела соседа, соблюдай законы, плати налог и тебя никто не тронет.

Хватало, конечно, в вольном городе разного отребья, воров и душегубов, сомнительных ростовщиков и жулья всех мастей, но больше было купеческих лавок, где можно купить все, что угодно, таверн и харчевен, где готовят еду на любой вкус, постоялых дворов, трубадуров, менестрелей, бардов и бродячих артистов, устраивающих свои представления прямо на улицах и площадях, и многого другого хватало в вольном и веселом Кирке. И шли сюда караваны с товарами со всех уголков обитаемых земель, шли торными трактами, шли морем. И день за днем звучал на улицах вольного града разноязыкий говор. Богат и славен по всему южному побережью был Вольный Кирк, и любой мог попасть за его надежные стены, уплатив лишь малую пошлину в городскую казну, да доставив товар для досмотра бравым стражникам у городских ворот.

Незадолго до полудня, когда утренний поток людей давно схлынул и на дороге было пустынно, по дневной-то жаре, к воротам Кирка подошел человек, облаченный в темно-зеленый плащ, запахнутый наглухо и перепоясанный толстой веревкой. Лицо путника скрывал глубокий капюшон с застегнутым пыльником, оставляя открытыми только глаза. В руке он дер-

жал крепкий дубовый посох с узловатым навершием, такой что в умелых руках мог запросто обращаться в грозное оружие. За спиной у человека болтался объемистый, но изрядно похudevший, дорожный мешок.

Стражники уважительно поклонились. Шел к ним Странник, отшельник, путник переходжий, обет Великому Духу давший, грехи чужие замаливать как свои, советом, а когда и делом людям и нелюдам помогать. Мало их было, тех, кто смог на себя такую тяжесть взять, ценили и уважали Странников. И тяжким грехом считалось на путника переходжего руку поднять, либо в беде оставить. В любом граде, селе или хуторе мог найти Странник и кров, и стол, и уважение, от любого встречного или попутного мог ожидать подмоги и помощи.

Стражники посторонились, пропуская Странника без пошлины, но тот остановился и вытянул из сумы положенную за проход серебрушку.

– Я чту законы, – сказал Странник глухим голосом, протягивая монету стражнику, – ответь мне воин. Есть ли в порту корабль к Шести Островам идущий?

– «Морской Змей» стоит на погрузке, – ответил стражник, сжимая монету в кулаке, – ближе к вечеру отчаливает.

– Благодарю, – Странник приблизился к воину и чуть слышно сказал, – у тебя ремень плечевой почти перетерся. Замени, а то лопнет не вовремя – беда случится, – и легко шагнул в ворота, оставив ошарашенных часовых за спиной.

Стражник оттянул наплечник и неловко заглянул по нему. Ремень, и правда, держался на последней жилке.

– Великий Дух... – только и смог пробормотать стражник, – откуда узнал?...

Давно уже Озрик не бывал в Кирке, но знали его в городе многие, потому и рад был, что плащ Странника одел. Надежно от глаз скрывает, да и лишнего внимания нет. «Прости Великий Дух, что не по праву звание высокое взял», – думал Озрик. И хотя одежда эта по разрешению Странника истинного на нем была, смутно было на душе у графа. Хоть и спас от душегубов святого человека, а все равно тяжело давит плащ сей. Ой, как тяжело...

...Простившись с Ратмиром, Озрик не стал искать дорогу, а пошел напрямик, через перелесок, к городской стене, стараясь успеть до заката. Хоть и не было давно в этих местах набегов и рати, стража городская службу несла исправно. Каждый день на закате, ворота закрывались, и никто кроме гонцов спешных в город до рассвета попасть уже не мог, будь ты хоть лорд, хоть комтур, хоть сам Император. Шел Озрик ходко, привычно. Руки сами отводили ветви деревьев, ноги искали прочную опору, глаза дорогу выбирали. Только думалось плохо, пусто было в голове. Может, потому-то и услышал граф слабый стон, доносившийся из ельника. Чуть позже за ним последовал приглушенный хохот.

– Стони, старик, стони, – долетел до Озрика чей-то хриплый голос. – Ща ты нам все отдашь, и золото, и свитки. Портки и те отдашь. Хотя на что они нам – обмоченные, – и снова взрыв хохота.

Озрик остановился. Аккуратно сняв с плеча мешок, поудобнее перехватив посох, прокрался к ельнику и заглянул меж ветвей.

На небольшой полянке, среди молодых елочек горел костер. Возле костра двое кудлатых мужиков увлеченно рылись в дорожном мешке. Еще пара таких же стояли подле большого камня и, посмеиваясь, тыкали короткими тяжелыми дубинками привязанного к камню человека. Странника в порванном и изрезанном плаще. Лицо у Странника было разбито, на одежде виднелись набрякшие багровым полосы и прожоги.

– Ну что, надумал говорить? – спросил бородатый разбойник, что сидел возле костра.

Отложив нож, он вытащил из пламени пылающую головню:

– Или тебе этим промеж ног ткнуть? Глядишь и думать быстрее начнешь, а то и удовольствие получишь, – бородатый криво ухмыльнулся, а остальные зашлись хохотом.

Озрик, не раздумывая более, ринулся вперед. Бородач только начал подниматься, оборачиваясь на шум, как посох из звонкого россавского дуба ударил его точно в темечко. Раздался глухой стук, бородач кулем осел на землю, а посох, продолжая движение, с хрустом вцепился в скулу тому мужичку, что все еще копался в мешке Странника. Разбойник удивленно хрюкнул, и рухнул со свернутой на бок челюстью. Двое, что стояли у камня, кинулись на Озрика, выхватывая длинные охотничьи ножи. Первым подоспел чернявый, невысокий мужичок, замахнулся дубинкой, одновременно пытаясь достать Озрика ножом в живот. Граф привычным движением уклонился от ножа, сбил посохом удар дубины вниз и впечатал подток чернявому в ухо. Мужичок взревел от боли, и растянулся на земле, получив жестокий удар сапогом под колено. Второй, высокий, светловолосый парень, едва уклонившись от мелькнувшего посоха, швырнул в Озрика дубинкой и бросился бежать. И достиг уже края поляны, когда посох, брошенный опытной рукой, с тяжелым гулом грянул ему промеж лопаток. Парень вскрикнул, с разбега наткнулся на ель и, ломая ветки, сполз по стволу.

Тяжело дыша после схватки, Озрик пинком уgomонил чернявого который, держась за ухо, вопил, катаясь по земле. Прошелся по поляне, осматривая побитых разбойников

«Ничего интересного, – подумал Озрик связывая бесчувственных мужиков, – обычная шваль с большой дороги, какой много на земле». Закончив с путами, Озрик подобрал посох и вернулся к Страннику, который уже не шевелился и лишь тихонько постанывал в забытьи.

«Эко ж его. – подумал Озрик, перерезая веревки. Тело Странника было густо покрыто синяками, порезами и ожогами, черты лица, залитого кровью было сложно разобрать, так сильно оно было разбито: «мало я вам, ублюдкам, отвесил...»

Перенеся Странника к костру, Озрик бережно уложил его на расстеленный поверх лапника плащ и принялся обмывать раны.

Били старика сильно и умело, но не насмерть. Переломов вроде не было. Озрик смазал порезы и ожоги целебной мазью, предусмотрительно прихваченной еще в селении, и как умел перевязал, без жалости распоров на повязки свою запасную рубаху. Укрыв старика, армяком почище, Озрик присел возле костра и уставился на огонь

«Задержка, опять задержка», – думал он, глядя на пламя костра. В лесу сгустился вечерний сумрак. В город Озрик уже не успевал, да и бросить старика-Странника здесь не мог. «Прости родная, – он погладил ленту на правой руке, – но не мог я пройти мимо».

Тряхнув головой, Озрик поднялся и проверил старика. Тот просто спал, согретый и успокоенный целебной мазью. Проверив узлы на веревках и добавив по паре полновесных оплеух незадачливым грабителям, Озрик устроился на ночлег.

Ближе к утру его разбудил треск веток и вкусный запах похлебки. В предутреннем тумане перекликались ранние птахи, звезды сошли с посветлевшего небосклона и лишь одна, крупная и яркая виднелась еще в просветах древесных крон, при виде которой Озрик поморщился и повернулся к костру. Странник аккуратно раскладывал хлеб на плаще, где уже стояли две миски, исходящие ароматным дымком. Вчерашние побои выдавали разве что синяки под глазами, разбитые губы и скособоченная поза старика.

– Болит? – поинтересовался Озрик, удивленный тем, как быстро старик оправился от ран.

– Терпимо, – ответил Странник, протягивая ему миску с похлебкой и хлеб, – кто ты?

– Зовут Озриком. По крови Россав из рода Черного Волка.

– Озрик? – старик в задумчивости пожевал губами, – не россавское имя...

Граф молча пожал плечами и принялся за еду.

– Должен сказать тебе спасибо. Если б не ты, добились бы меня тут.

– За что они тебя так, отец? – граф кивнул на разбойников, которые молча сидели у камня, со злостью глядя на него.

– Решили, что я несущу деньги. Достаточный повод напасть на одинокого путника.

– Даже если этот путник – Странник? – Озрик выжидающе посмотрел на старика.

В свой черед Странник тоже молча пожал плечами.

– Ну что же. Ты в мои дела не лезешь, а я – в твои. Тебе до города помочь дойти? – Озрик ополоснул миску, плеснув из баклаги, и принялся собирать свой мешок, глядя как Странник приводит в порядок плащ и собирает разбросанные разбойниками вещи.

– Не надо, ибо я иду из Кирка. А тебе за помощь мой совет – до срока открывай лицо только тем, кому доверяешь, – Странник достал плащ точь-в-точь такой же, как его собственный. – В плаще Странника Серебряному Лису будет легче оставить охотников с носом.

– Узнал, значит... – Озрик с сомнением покачал головой, – таиться, прятать лицо...

– Узнал я, узнают и другие, – Странник пристально смотрел на графа, – стоит ли терять преимущество? Ты мертв, тебя не ждут ни друзья, ни враги...

– Скоро все равно узнают, – ответил Озрик, надевая плащ и опуская на лицо капюшон.

– Лучше поздно, чем рано. Или смерти ищешь про обещанное забыв? – охнул Странник, поднимаясь и забрасывая мешок на спину. – С этими что делать будешь?

– В городе скажу стражникам, пусть пришлют кого-нибудь, – ответил Озрик, шагая в сторону тракта. – А что до смерти – меня нелегко убить...

– В схватке – да. Только вот от яда или кинжала в спину можно и не уберечься. Рейдеры Лиги за деньги убьют любого...

– С Сумеречной Лигой у меня договор...

– Ну и много тебе помог этот договор в прошлый раз?

Озрик тяжело вздохнул, вспоминая свой промах, и молча зашагал сквозь лес к дороге.

– Здесь мы с тобой расстанемся, – сказал Странник, когда они вышли на тракт, – до города пара лиг, к полудню дойдешь. Прощай граф, да пребудет с тобой Великий Дух.

– Прощай Странник, долгой дороги и легкого пути. За совет и помощь – спасибо.

– Тебе спасибо Озрик из рода Черного Волка. За жизнь спасибо. – Странник пожал протянутую руку и, развернувшись, легко зашагал по дороге, будто и не били его вчера смертным боем. Озрик проводил взглядом фигуру Странника, растворяющуюся в лесном сумраке, и зашагал в сторону вольного города...

Озрик шел по мощеным камнем улицам Кирка, направляясь напрямиком в порт. Раньше, в прошлой жизни, он непременно потолкался бы по торговой площади, прицениваясь к заморским диковинкам, заглянул бы в оружейные лавки Северного квартала, где можно было найти уникальные клинки тонкой работы. Непременно заглянул бы в «Парус и Сеть», где готовили изумительную рыбу с соусом из моллюсков. Да и много других мест посетил бы граф Сильверфокс в веселом Кирке. Сейчас же Озрик шел в порт, никуда не сворачивая и ни на что не отвлекаясь, пропуская мимо ушей выкрики зазывал и торговцев, не обращая внимания на изумительные ароматы готовящейся пищи из трактиров и харчевен. Чувствуя лишь, как нестерпимо жжет правую руку Алая лента.

Порта он достиг не скоро. Роскошные дома сменились конторским зданиями, за ними длинная череда амбаров и складов, затем полоса кабаков и ночлежек для матросов, и лишь после, за Морской стеной, засветился голубой простор бухты, лес мачт и приземистые башни цитадели.

Миновав ворота, Озрик оказался на длинной, выложенной камнем пристани. Звуки и запахи волной окатили его, заставив на мгновение остановиться. Остро пахло солью, водорослями, смолой и дегтем, мокрой пенькой и деревом, мешаниной запахов исходивших от тюков, бочек и мешков с товарами, сгружаемых на пристань. Крики носильщиков, возгласы капитанов, солидные голоса купцов, ругань матросов и прочего портового люда сливались в невообразимый гул, резко кричали чайки, слышалось ржание лошадей. Люди торговались, ругались, спорили, работали, не обращая внимания на застывшего Странника, лишь слегка кланяясь, когда проходили рядом.

Озрик внимательно рассматривал корабли, пытаясь среди разнообразия корпусов и мачт рассмотреть «Морского змея».

«Лесной Отец, да где же он!» – подумал Озрик и поймал за руку пробежавшего мимо мальчонку, лет десяти от роду.

– Мальчик, где отшвартовался «Морской Змей»?

– Он на рейде, сударь, – ответил мальчик, с любопытством рассматривая Странника

– А капитан?

– Вон там, – мальчишка махнул рукой в сторону здания Морского магистрата, – капитан Вёлве.

Озрик увидел группу людей, среди которых выделялась высокая, стройная фигура капитана.

«Эльф, – подумал Озрик, протягивая мальчишке мелкую монетку, – можно было догадаться».

– Вам стоит поторопиться, сударь, – сказал мальчишка, пряча монетку, – «Змей» скоро отправляется

Озрик кивнул, сунул мальчишке еще один медяк и зашагал к магистрату

«Ну, точно, эльф», – подумал Озрик, на ходу рассматривая капитана «Змея». Высокий, на голову выше остальных, стройный и широкоплечий, в остальном эльф был похож на своих собеседников. Та же одежда – суконная куртка, перехваченная широким поясом, легкий клинок в потертых ножнах, штаны, заправленные в короткие сапоги. Тот же соленый говорок с множеством непонятных слов и выражений. Только подойдя ближе можно было увидеть кончики острых ушей, выглядывающие среди длинных волос перехваченных кожаной гайтаной, и приподнятый к вискам разрез темно-фиалковых глаз.

Озрик подошел и разговор затих. Моряки выжидающе смотрели на Странника, которого каким-то чудом занесло в порт. Озрик остановился и оперся на посох, молча разглядывая колоритную компанию.

– Эхм... Вы что-то хотели, сударь? – начал, наконец, разговор один из моряков.

– Мне нужен корабль, идущий на Шесть Островов, – ответил Озрик, стараясь придать своему голосу глухость и плавность речи старика-Странника. – Добрые люди посоветовали мне обратиться к капитану Вёлве, с коим я и хотел бы поговорить.

– Я слушаю тебя, Странник, – сказал эльф, делая шаг вперед. Остальные тут же утратили интерес к разговору, следуя неписанным правилам вежества морского братства: есть капитан, есть пассажир – остальное их дело.

Вёлве и Озрик отошли в сторону

– Какое же дело у Странника в нашем королевстве, – эльф внимательно вглядывался в глаза Озрика, словно пытался понять, кто же скрывается под личиной Странника.

– У меня весть для Владыки Аэра, – ответил Озрик, переходя на эльфийскую речь, – ты можешь доставить меня в Ортос?

В глазах эльфа блеснул огонек интереса. Мало кто из людей в нынешние времена понимал эльфийский язык, еще меньше было тех, кто мог говорить на нем правильно.

– Ты знаешь наш язык? Кто ты? И какая весть у тебя к владыке?

– Прости меня, перворожденный, но имя свое я тебе не назову, странник я, путник переходный, – ответил Озрик, стараясь следовать правилам вежливости, – так же не отвечу, что за весть я несу владыке, ибо послание это предназначено только для него...

Эльф молчал, выжидающе глядя на собеседника.

– Но я могу поклясться Лесным Отцом и Кровью Предвечных Звезд что ни мыслью, ни делом не нанесу вреда или урона народу эльфов и их владыке!

Озрик заметил, что эльфийский капитан заколебался. Клятва была принесена серьезная и очень немногие решались её нарушить, однако сомнения у Вёлве еще оставались.

– У меня нет оружия, и я не владею Искусством, – продолжил Озрик, – но у меня есть вот это.

Граф поднял левую руку, где на безымянном пальце светился тонкий ободок охранного перстня, положенного тем, кто считается гостем эльфов. Эльф молчал, перебирая длинными тонкими пальцами по рукояти меча. Озрик застыл как изваяние, опираясь на посох и ждал. Говорить больше было нечего. Все сейчас зависело только от решения капитана

– Я верю тебе, – нарушил молчание Вёлве, – не знаю, кто ты или что ты, но я верю тебе. Будь через час у шестого причала, там будет ждать лодка. И не опаздывай. «Змей» уходит с вечерним отливом, и ждать я не намерен.

– Я буду там, капитан, – ответил Озрик, склоняя голову в знак согласия.

...Сколько дней уже прошло, сколько страшных ночей проведено в беспомощности, Анариэль не считала. Сначала жизнь шла короткими рывками, когда она приходила в себя, медленно и мучительно отходя от действия сонного зелья и снова проваливаясь в пустоту. Сколько дней, недель, месяцев она провела в таком полусне, Анариэль не знала. Потом зелье давать перестали, по крайней мере, днем. И первое, что она увидела, окончательно очнувшись, была её свадебная лента, разорванная напополам. Ей говорили, что Озрик сам порвал ленту, и она знала, что это так. Ей говорили, что её муж умер, но она не верила.

И с тоской смотрела на мир, лежащий за пределами её тюрьмы. Кляла себя за слабость, за упрямство, за то, что не хватило веры в Озрика, который обещал её защитить. Он стоял рядом, нависая как башня, в своей броне, и уговаривал её не уходить. Убеждал, просил...

А потом был путь через горы. Напрасный путь, их нагнали возле перевала. Нагнали Сумеречники и тот наемник. И не помогла охранная грамота и ничего не смог сделать Градимир, против хитрости троих опытных охотников...

Что было потом Анариэль не знала, в памяти зиял провал. Пустота с редкими вспышками полусна. И вот она здесь, в крепости Трора. На том же месте где стоял замок Озрика. Пленница...

Хвала Предвечным Звездам, что Трор хотя бы разрешил ей выходить на стену. Пусть и с идущей по пятам стражей. Пятеро воинов – трое наемников, двое Сумеречников – сопровождали её везде вне пределов её комнаты.

«Не убежать, ни кинуться со стены... край, тупик», – думала Анариэль. И словно опровергая её мысли, из кустов за рвом высунулась волчья морда. Очень большая волчья морда. Очень знакомая волчья морда. Янтарные глаза зверя поймали взгляд Анариэль. Эльфийка потянулась вперед, и в открытый разум, хлынул поток образов. Горящий замок, темная фигура на скале, дорога и тонкая нить знакомого запаха... «Он жив, – слова настойчиво стучались в её разум, – я найду его... Держись, сестренка... Дай знак... обманули... Завтра, здесь же... Дай знак...»

Анариэль покосилась на охрану. Стражники волка не заметили или же, заметив, не придали значения, больше интересуясь шуточной потасовкой во дворе. И чуть заметно кивнула. Волк тут же исчез в зарослях, как и не было его. А на следующий день Анариэль сбросила со стены свою Алуя Ленту. Крепко сшитую и связанную в кольцо.

С тех пор минуло уж много дней. Долгие месяцы Анариэль в тревоге, ждала. Ждала чего угодно, знака, знамения, войска у ворот крепости. Чего угодно, лишь бы знать точно...

...В крепости все горит, крошатся под мощными ударами зубцы на стенах и башнях, двор застилают густые клубы дыма, сквозь который слышен грохот жестокой сечи. Анариэль стоит на вершине главной башни и, стиснув до боли в пальцах каменный парапет, пытается разглядеть, что творится внизу. Ветер, наконец, относит дым пожара в сторону. С грохотом распаиваются ворота и в пробитую брешь стальным клином врываются атакующие латники. Они идут,

сомкнув строй, закрывшись массивными щитами, ошетилившись копьями и мечами. Словно тараном, бьют в редкую цепь защитников крепости, прорывая её и расшвыривая странно изломанные фигурки воинов, которые с резким суком падают на каменные плиты двора, будто и не люди вовсе, а деревянные фигурки...

Анариэль вздрогнула и открыла глаза. В окно что-то стукнуло. Потом еще раз и еще. Эльфийка потянулась и толчком распахнула ставню окошка, маленького, не пролезть, но достаточного для солнца и воздуха. И тут же отпрянула в сторону. Нечто с протяжным гулом влетело в окно, грохнуло о стену и упало на пол. Анариэль торопливо запалила маленький светильник и в круге дрожащего света увидела на полу короткий арбалетный болт. Поставив светильник на скамью, подняла стрелку. Оголовок затуплен и туго замотан паклей. Короткое оперенное древко было исчерчено мелкими, но читаемыми рунами эльфийской речи, а прядь черной звериной шерсти, повязанная возле наконечника, не оставляла сомнений об авторе послания. Как и просил Ратмир, Анариэль пристроила светильник на подоконнике вновь распахнутого окошка и отступила в бок. Второй болт, пушенный на огонек лампы, ударил в стену ровно над кроватью, упав на покрывало. Возле оголовка была туго намотана тряпица, для верности перетянутая тонкой жилкой. Под тряпицей прощупывалось нечто твердое.

Недолго думая, Анариэль подхватила светильник и трижды прикрыла огонек ладонью подавая условленный сигнал. В ответ, на темном склоне горы напротив её окна, появилась и тут же пропала крошечная огненная точка. Вновь поставив светильник на скамью, Анариэль торопливо распустила жилку и развязала тряпицу, под которой обнаружилось насаженное на древко знакомое кольцо – два золотых листа и сапфировая капля на них...

...Ратмир напряженно всматривался в ночную тьму, туда, где смутно вырисовывалась громада крепости, ожидая условного сигнала.

Ему везло. Три дня он околачивался возле крепости, пока не узнал, где находится нужное ему окно, еще день ушел на поиски удобного места для стрельбы. Ратмир с улыбкой погладил чуть шершавое ложе арбалета. Мощная машинка, мощная и точная. Сегодня ему повезло еще раз. Ночь выдалась ясная и безлунная. В лесу на гребне темно как в брюхе дракона, но много ли света нужно Проводнику.

Огонек в заветном окошке мигнул и пропал, снова появился и пропал, и еще раз. Три вспышки – стрела достигла цели. Ратмир отложил арбалет, торопливо вынул из укромной ямки свой светильник и подал ответный знак. Все, дело сделано, можно уходить. Тщательно закрыв ямку с погашенным светильником камнем, медленно и осторожно Ратмир отполз от края скалы, на котором лежал и, аккуратно раздвигая ветви, втиснулся в густой кустарник. Отгородившись от крепости заслоном густой листвы, Ратмир поднялся и легким, бесшумным шагом побежал к приметному валуну, где оставил свой мешок, топор и почти готовый вход в Лес. Выбираться из долины обычной дорогой, да по большей части ползком да по кустам ему не сильно улыбалось. Так же, как и попасться дозору нынешнего хозяина долины, которые были густо натканы по всем тропам, а у Северных Врат тем более.

До валуна оставалась пара саженей, как впереди что-то мелькнуло. Ратмир замер, присмотрелся и медленно опустился на корточки, под прикрытие густого подлеска. Впереди, у валуна, спиной к нему стоял Сумеречник. Стоял прямо на схроне с вещами в двух шагах от Портала. Ратмир беззвучно выругался, везение кончалось. Сумеречник явно почувствовал волшебство и явился посмотреть, что здесь твориться.

«Сумеречники поодиночке не ходят», – вспомнил Ратмир слова брата и огляделся. Высмотрев рядом корявое дерево Ратмир, медленно переполз к нему и прижался спиной к стволу, лихорадочно обдумывая следующий шаг. Сумеречник молча двинулся в обход валуна, держа в руке кинжал. Был бы это обычный стражник, Ратмир проскочил бы мимо легко и незаметно, но с Сумеречниками все было намного сложнее. «Убить его, – думал Ратмир, –

труп найдут и насторожатся. Оглушить? Не факт, что получится. Усилят сторожу, будут искать, найдут болты под стеной. Значит надо ждать».

На всякий случай осторожно, чтобы не скрипнула тетива, Ратмир взвел арбалет и вложил болт.

Сумеречник второй раз обогнул валун, пригибаясь уже к самой земле. Вот-вот наткнется на присыпанный палой листвой мешок. Ратмир скрипнул зубами. Сумеречник замер прислушиваясь, резко выпрямился и... с размаху ударился макушкой о каменный выступ валуна. Ратмир едва не зашелся хохотом, глядя как Сумеречник, шипя от боли, трет ушибленное место. Рейдер глянул на торчащий кусок камня, зло сплюнул и, спрятав кинжал, растворился в темноте. Ратмир облегченно выдохнул. Сохранил Лесной Отец, надоумил спрятать мешок под этим выступом. Выждав для спокойствия с полчаса, Ратмир подобрался к тайнику, вытащил вещи и нырнул на Тропу к Сильверфоксу...

Глава 2

Ортос

Третий день в замке кипела работа. Третий день крестьяне из окрестных селений приводили в порядок имение графа Сильверфокс. Очищали и подправляли вал, подновляли стены и башни. Третий день стучали молотки каменотесов, звякали заступы землекопов, тюкали топоры древоделей. Люди работали слажено, дружно и весело. Да и как не работать, если плата велика, харчи обильны, а грозный граф ежедневно сам обходит стены, все видя и замечая, хваля усердных и строго наказывая бездельников. Всем хотелось заработать неожиданную прибавку и не хотелось быть отосланным по собственной глупости из замка, а ведь иных и выгоняли, да еще плетью напутствовали.

Работа спорилась. Слуги уже вычистили и вымыли замок изнутри до зеркального блеска так, что, казалось, ступи на пол и покатишься как по льду. Трудники расчистили и подровняли вал и всем многолюдством навалились на стены, заменяя выщербленные камни, заделывая трещины и выбоины.

Порой Озрик, разгораясь, скидывал дорогой камзол и в одной рубахе работал наравне с мужиками заступом, тесалом или топором. Вот и сейчас, командуя зычным голосом с десятком взмысленных мужиков, втаскивал тяжелую балку на одну из башен.

– Ваша светлость! – закричал часовой с надвратной башни, – Госпожа с прогулки возвращается!

– Навались! – рывкнул Озрик и непослушное бревно со щелчком встало на свое место.

– Молодцы, мужики! – Озрик с размаху хлопнул ладонью по спине одного из древоделей, отчего тот охнул, ткнулся под общий хохот носом в балку и легко соскользнул вниз.

– Вот так граф! – одобрительно сказал один из мужиков, забивая гвоздь обухом топора, – сразу видать – Хозяин!

– И не говори, Рыжий, – отозвался второй, – все видит, везде успевает. И нашего брата – мужика ценит, и работать не гнушается.

– А рука у него будь здоров, – поддержал третий, – не хотел бы я ему подвернуться под руку горячую...

И мужики снова захохотали, глядя как клонувший носом охает, растирая лопатку.

Возле колодца Озрик стянул мокрую от пота рубаху и, согнувшись вперед, приказал слуге:

– Лей! Да побольше! – и тут же охнул под потоком холодной колодезной воды, плеснувшей на разгоряченную спину. – Давай еще!

Слуга выплеснул второе ведро, подал графу чистый плат, а затем и свежую рубаху.

Из арки надвратной башни вынырнули всадники и, пересекая двор, направили коней к коновязи рядом с колодцем, останавливаясь в паре шагов от него. Озрик, уже надевший рубаху, надевая камзол, с удовольствием наблюдал за женой, которая сидела на лошади как влитая. Остановив скакуна, графиня легко соскользнула на землю и передала повод конюху.

– Как прогулка? – спросил Озрик, затягивая перевязь с мечом и кинжалом.

– Прекрасно дорогой. Тишина, дивный воздух, лес...

– Ничего, еще пара дней и здесь тоже будет тихо, – Озрик покосился на стены, откуда доносился стук топоров, лязг железа и крики мастеровых, – замок надо восстановить...

Анариэль взяла мужа за руку и заглянула ему в глаза:

– Тебя что-то тревожит?

– Мне беспокойно, дорогая, – Озрик стиснул рукоять кинжала, – смутно на душе, что-то должно произойти.

– Успокойся, Озрик, – Анариэль обняла мужа, увлекая его в сторону небольшого сада, разбитого на боковой площадке, – к чему всё это беспокойство? Кто посмеет напасть на Серебряного Лиса, да еще в его же владениях?

Супруги присели на скамью под развесистой яблоней. Граф откинулся на ствол дерева и привлек жену к себе.

– Мне все же было спокойнее в столице, – Озрик закрыл глаза, наслаждаясь минутами близости, не слишком частыми у графской четы весь день находящейся на виду у слуг, – или в Сильверфоксе.

– Что же тебя так тревожит?

– Что-то витает в воздухе, – Озрик поморщился, – предчувствия нехорошие...

– Ох уж эти люди, – Анариэль рассмеялась легким серебристым смехом. – Всегда у вас какие-то предчувствия и ощущения. Ты так доверяешь своему чутью?

– Иначе бы не дожил до своих лет.

– Нет, вы все-таки странные существа и вряд ли старшие народы когда-нибудь смогут постигнуть ход ваших мыслей.

– Иначе не можем. Да и должно же оставаться хоть что-то непостижимым для первожденных, – отшутился Озрик, внутренне морщась. Начиная разговор, который он любил и ненавидел одновременно. Любил, потому что отвлеченный разговор с супругой доставлял ему удовольствие. Ненавидел, потому что неприятно резали слух слова Анариэль: «Мы эльфы, а вы люди», и Озрик понимал, что эльфийка так и не смогла стереть различия между ними и полюбить его так же как он её. Заставлял вспоминать, как Анариэль стала его женой, вспоминать и, в глубине души, стыдиться содеянного...

– ... И я решил, что сей договор является необходимым для моего народа, – владыка обвел взглядом тронный зал, придворных и остановил свой взгляд на после Империи людей – графе Сильверфокс, – мой народ устал от войн и крови. И жаждет мира и спокойствия.

По мановению владыки герольд вносит свиток, украшенный тремя внушительными печатями: красно-золотой – людей, бело-зеленой – эльфов и черно-серебряной – гномов.

Граф скосил глаза на низкорослых воителей, застывших рядом с людьми и едва заметно вздохнул. Феникс, Буревестник и Молот заключили мир. Кончатся бесконечные схватки между эльфами и гномами, жестоко задевавшие людские поселения. Перестанут бежать поселяне из богатых, но опасных приграничных земель. Эльфы получали мир, гномы получали мир, люди получали мир и торговлю с теми и другими.

Владыка и послы продолжали говорить слова, положенные строгим протоколом. Озрик отвечал заученными фразами, кивал, в нужных местах кланялся. Дело, которое он начал полтора месяца назад, дело, которое считалось невыполнимым, тем более в столь короткий срок, было выполнено. Но не было радости. Он добился того, чего хотел, но не достиг того, чего желал. Желал страстно, неистово и обреченно.

Прием, наконец, был закончен. Послы покидали Зал, унося с собой надежные кованые ларцы с грамотами договоров. Люди выходят последними, направляясь в свое крыло дворца. Озрик идет, погрузившись в невеселые думы о судьбе.

– Граф, – мелодичный голос выводит Озрика из задумчивости. Из боковой галереи, ведущей к королевским апартаментам, выступает эльф-стражник, прикладывая руку к груди в знак приветствия. Озрик останавливается, гвардейцы сопровождения замирают в готовности.

– Мой сюзерен приглашает тебя на ужин и беседу, тебя ждут на восточной террасе, – эльф сдержанно и с достоинством склоняет голову.

Граф прикладывает руку к сердцу в знак согласия и, отпустив гвардейцев, следует за провожатым...

...Течет неспешная беседа, о прошлом, о будущем, о дальних странах и деяниях. Меняются изысканные блюда, плещется в кубках старое вино. Озрик сидит за столом, внешне невозмутим и спокоен, едва сдерживая трепыхавшееся сердце. Напротив него – рядом с отцом, Анариэль, старшая дочь владыки, источник счастья и мучений графа.

– Ты много сделал для моего народа, друг мой, – говорит владыка, поднимая кубок, – и этот порыв был самоотвержен, будто ты эльф, а не человек. Ты и твои люди могли погибнуть, не успеешь остановиться мы или наугримы.

– Я воин, Ваше Величество, – Озрик изо всех сил старается смотреть на владыку, а не на его дочь, – я привык рисковать, если риск этот оправдан. А смерти я не боюсь, она ждет каждого человека. Рано или поздно.

– И ты спокойно говоришь об этом роке? – Анариэль смотрит на графа. – Тебя не страшит неизбежность?

– Нет, Ваше Высочество, – граф отпивает глоток вина, эльфийская речь трудна и быстро утомляет человеческое горло, – наша жизнь конечна, но это заставляет ярче пылать наши сердца и делает яростней наш дух. Я считаю, что смерть не проклятье, а дар Великого Духа. Дар, который не все понимают, и не многие принимают, но все же именно дар.

– Разве вам хватает отпущенного срока, чтобы исполнить мечты и желания? – владыка внимательно смотрит на Озрика

– Нет, Ваше Величество, – Озрик качает головой, – конечно нет. Много остается недоделанным, многое с самого начала бывает несбыточным.

– Зачем же тогда мечтать о недостижимом?

– Что может быть хуже жизни, в которой все мечты исполнились? Жизни, в которой не к чему больше стремиться, в которой не о чем больше мечтать? Это хуже смерти, много хуже.

– И у тебя есть такие мечты? Которым не суждено сбыться?

– Несбыточных нет. Я слишком прагматичен, – граф бросает быстрый взгляд на Анариэль, – а вот трудновыполнимая есть.

Эльфийка отрывает взгляд от пейзажа за перилами террасы и смотрит на графа.

«Она знает, – мысль бьется в голове как рыба в сети, и сердце стучит кузнечным молотом, – она все знает»

– Я повторюсь, ты многое сделал для моего народа, Озрик, – владыка встал и с кубком в руке подошел к поднявшемуся навстречу графу, – и заслужил любой награды, которую я в силах дать.

– У меня есть Ваша дружба и уважение вашего народа, сир, – Озрик смотрит в сторону, борясь с предательской дрожью.

– И все-таки?

Озрик смотрит прямо в глаза владыке. Стоило решиться, как все опасение словно сдуло порывом ветра, а сердце полыхнуло жарким пламенем.

– Я прошу оказать мне честь, – граф перевел взгляд на Анариэль, утопая в зеленых омутах её глаз. – Я прошу руки Вашей дочери, сир!...

Гулкий, густой звук сигнального рога, разорвав пелену воспоминаний, вернул графа к действительности. Трубил стражник на верхней площадке донжона, кто-то приближался к замку. Сигнал повторился вновь и в этот раз из-за стены донесся ответный звук, более хриплый и низкий.

Граф поднялся со скамьи, поправляя перевязь. От ворот к ним бежал один из воинов.

– Что случилось? – с беспокойством спросила Анариэль

- Сейчас узнаем. В чем дело, Корин?
- Отряд, Ваша светлость! – запыхавшийся воин бухнул кулаком в левую сторону груди. – Около семи десятков. Под стягом Ордена Храма.
- Что здесь храмовники забыли... Добре. Найди мне Саида!
- Дружинник опрометью бросился выполнять приказание, а Озрик повернулся к жене:
- Дорогая, поднимись в свои покои. Кто знает, что это за отряд.
- Эльфийка поднялась со скамьи и выразительно взглянула на стены и застывших у зубцов дружинников.
- Я понимаю, Анариэль. Но у меня лишь горстка воинов, остальные мужики к бою никак не готовы. А кто там за стеной, и с чем они пришли неясно. Что будут делать тоже, – граф глубоко вздохнул, понимая, что если Анариэль упрется, уговаривать её будет бесполезно. – Анариэль, дорогая. Прошу, ради меня, поднимись к себе.
- Хорошо, Озрик, – секунду помедлив, ответила Анариэль, – я буду у себя. Не рискуй понапрасну, – легко ступая, эльфийка пошла по дорожке в сторону донжона.
- Ваша светлость! – рядом, как из-под земли, появился Саид. – Все на своих местах. Мы готовы.
- Озрик заметил, что кахарец уже одел бронь и готов к немедленному бою.
- Надеюсь, обойдемся без этого...
- С площадки надвратной башни отлично просматривалось плато, на котором стоял замок, от кряжа Единорога до Волчьего урочища и Северных Врат, откуда к замку вела хорошо утоптанная за последние дни дорога. На дороге клубилась пыль. Временами порывы ветра сносили завесу, и взгляду открывалась стальная змея пешей колонны, медленно ползущей на плато. Над строем полоскался на ветру стяг – белое знамя с красным крестом.
- Панцирники, – дружинник, стоящий справа от Озрика, смачно сплюнул вниз, под стену, – все в бронях.
- Копья зачехлены, да и щиты за спинами, – отозвался другой, – значит не воевать пришли...
- Щиты на руку перебросить не долго, – не унимался первый, – да и копья расчехлить труд невеликий.
- Не дойдя до стен сотни шагов, отряд остановился. Над застывшими в строю воинами разнесся рев сигнального рога и стяг описал в воздухе сложную дугу. От строя отделились четверо. Впереди всех шел гном с ног до головы закованный в золоченый доспех, чешуя на плечах и бедрах дробила солнечные лучи на множество ярких бликов, а кираса сияла как огонь. Низкий шлем, с собранной из квадратных пластинок бармицей, защищал голову и часть лица, оставляя свободными лишь глаза и нос. За ним два воина-человека. Один в белой, частью закрытой накидкой, кирасе с широкими пластинчатыми наплечниками и в глухом шлеме похожем на ведро. Второй в черной, откованной узкими, стоящими внахлест полосами, броне. Связанные ремешками узкие полоски металла закрывали плечи и бедра. Шлем его, круглый с широкими полями и массивным назатыльником, бросал на лицо густую тень. Последним шагал знаменосец в обычной кольчуге, удерживая в руках древко со стягом ордена.
- Вызывают на переговоры, Ваша Светлость. Выслать глашатая?
- Граф внимательно всмотрелся в фигуру в золотой броне.
- Нет, – отойдя от парапета, граф ступил на лестницу, спускаясь с башни к воротам. – Трубите ответ, я сам выйду.
- Ваша Светлость? – на лице Саида проступило удивление
- Со мной пойдет Корин.
- Броню его Светлости, – крикнул было Саид, но граф оборвал его.
- Не надо Саид. Долго это, да и ни к чему. Если нападут, броня не поможет.

– Ваша Светлость!!! – верный воин едва не задохнулся от возмущения. Где ж видано идти без брони, с одним кметем на разговор непонятно с кем. – Дозвольте вместо Корина пойти!

– Нет, Саид, – граф жестом приказал открыть ворота. Двое мужиков налегли на блоки и створки медленно открылись. – Мне ты нужен здесь.

Озрик и Корин, несший графский штандарт выехали вперед к застывшим в десятке саженьей воинам Ордена.

– Во имя Силы Гор и Храма светлого и милосердного мир вам! – густым, глубоким басом поприветствовал Озрика гном в золоченной броне.

– Именем Лесного Отца и милостью Великого Духа мир вам! – спешившись, ответил граф, внимательно глядя на гнома, гадая, что же в подгорном воителе ему кажется столь знакомым. – Кто вы воины и что ищите в моих владениях бронно и оружно?

– Клянусь Молотом и Горном, мы пришли с миром! – ответил гном, поднимая обе руки ладонями вперед в знак мирных намерений. – Мы воины Ордена Храма. Возвращаемся из похода за море в земли диких кочевников, веры истинной не признающих, в обитель Ордена, что на южной оконечности кряжа, в окрестностях славного Дагора расположена. В обход Гассарских гор путь долог, вот и решили, что Серебряный Лис не против будет, если отряд воинов Храма через его земли пройдет.

– Назови себя доблестный тангар, – Озрик пытаюсь вспомнить, где же довелось свидеться с гномом. – Раз ты пришел с миром, то имя тебе скрывать не след.

– Я тангар Трор, сын... – начал было говорить гном, но граф перебил его.

– Даина из клана Золотого Медведя, – воскликнул Озрик, перейдя на речь гномов – ты?! Не может быть!

– Может, брат! Может! – улыбнулся гном, стягивая шлем. – Узнал, наконец, старый Лис, расплющи тебя Молот! – заорал Трор и граф задохнулся в могучих объятиях

– Я... тоже рад... тебя... видеть! – прохрипел Озрик, с трудом высвобождаясь из тяжелого захвата и переводя дыхание, – вот ведь каменная башка! Чуть не раздавил!

– Спали тебя Горн, Озрик! Сколько же лет прошло?! Пять? Шесть?

– Десять без малого, Трор, десять! Гостем сегодня моим будешь! Пир закатим! Пиво у меня доброе, густое. Хороший урожай был! С женой познакомлю!

– Да какие сомнения! Мне бы вот только людей своих разместить. Устали все, от самого Таэра без роздыха почти идем.

Озрик задумался. Брат братом, а пускать столько чужих воинов в замок не хотелось

– Припас есть? Снеди в достатке?

– Припас знамо дело есть, вот со снедью туго.

– Разбивай лагерь вон там, в Волчьем Урочище, места там в достатке и вода рядом.

А снедь мои люди подвезут. Пошли!

– Обожди. Людей сначала устрою и к тебе!

– Ну, смотри! Жду к вечеру! – граф вскочил в седло и направил скакуна к воротам замка.

– Управляющего ко мне! – приказал граф, едва ворота закрылись за ним

– Я здесь, Ваша Светлость, – Мелвил возник рядом с Озриком будто из-под земли, как видно наказание пошло ему в прок.

– Снеди и пива! На семь десятков человек. Собрать и отправить к Волчьему Урочищу. Немедля!

– Слушаюсь, Ваша Светлость.

– Свободен!

Граф соскочил с коня, быстро миновал двор, широким шагом прошел по коридорам и лестницам донжона и распахнул дверь своих покоев.

Анариэль стояла у окна и смотрела вдаль. Озрик подошел, обнял жену, зарываясь лицом в густые золотистые локоны.

– Я же просила тебя не рисковать понапрасну, – с укором сказала Анариэль и в её голосе прорезались странные нотки, которых раньше слышать Озрику не доводилось.

– Я и не рисковал, – ответил Озрик улыбаясь.

– По-твоему выходить с одним воином без брони и оружия к сотне готовых к бою людей – это не риск?

– Анариэль, успокойся, – Озрик сел на стул и усадил жену к себе на колени. – Командир этого отряда – мой друг. Даже больше чем друг, побратим – кровный брат. Он гном, а гномы свято чтят закон побратимства. Трор же этот закон блюдет в двойне. Он скорее изрубил бы своих воинов, чем позволил кому-то из них нанести мне вред.

– Тангар? Твой побратим – наугрим? – удивилась Анариэль. – Я не знала, что наугримы братаются с людьми.

– И о том, что эльфы могут выходить замуж за людей ты тоже не подозревала? – спросил Озрик мысля отшутиться и тут же пожалел, что еще в детстве не откусил себе язык.

Анариэль высвободившись из его объятий, вновь отошла к окну.

– Ты знаешь, почему я вышла за тебя! – голос её стал звонким и холодным как льдинки в весеннем ручье. – Я сделала это ради своего народа!

Озрик тяжело вздохнул и подошел к жене.

– Прости меня, дорогая. Я зря сказал это. Просто я из тех людей, кто уверен, что в нашем мире возможно все. И дружба с гномами, и любовь к эльфам и мирное соседство с орками.

– Тебе не за что извиняться, Озрик, – Анариэль повернулась к мужу, – я была несдержанной и не должна была ставить твои слова под сомнение. Так как вы побратались с наугримом?

– Кровью, пролитой в бою. Трор отбивался один от своры кобольдов. Я помог. Вместе дрались, плечом к плечу. После боя он спросил, почему я не прошел мимо. Я ответил, что не мог, видя неравный бой. Он ответил, что теперь мой должник и пока не вернет долг, не успокоится. Вот так мы и побратались.

– И он отдал долг?

– Не единожды. Сколько раз Трор мою шкуру спасал, сколько раз я его – мы не считали.

– Ты рад, что встретил друга?

– Еще бы! – Озрик хлопнул ладонями по коленям. – Мы не виделись лет десять. Он ушел с отрядом Ордена в поход Веры куда-то за море

– Поход длиной в десьть лет? – Эльфийка удивленно вскинула брови, – на такое способны только фанатики...

– Сам поход начался только шесть лет назад. Да и Трор с Орденом пошел не из-за стремления к их вере. Он ушел после договора с эльфами.

– Из-за мирного договора?

– Да, – Озрик посмотрел в окно, – он ненавидит Эльфов и считает, что не может быть мира с кровными врагами. Его можно понять, клан Золотого Медведя был разорен во время одной из войн. Все погибли кроме Трора...

– Воинов всегда убивают в боях, за что же здесь объявлять кровную месть?

– Там не было боя, на клан напали во время перехода.

– Убили всех воинов клана?

– Нет. Всех членов клана, – Озрик подошел к столу и налил себе кубок вина, руки его слегка дрожали, – включая женщин, детей и стариков.

– Это ужасно, – Анариэль побледнела, – воистину ужасно. Но это война.

– Это бойня, а не война! – граф сжал кубок, так что металл скрипнул. – Никакая война не может оправдать убийства безоружного ребенка или женщины!

– Наугримы тоже убивали наших женщин и детей, – тихо сказал Анариэль

– Знаю, – Озрик шумно выдохнул, беря себя в руки, – гномы, эльфы, люди – все! Все были убийцами. Я хотел бы положить конец этой бойне, именно потому мой меч уже давно

не обагрятся кровью в бою. Я слишком хорошо знаю, как выглядят города и селения, взятые на меч, где нет никого живого кроме воронья, пирующего на телах жителей поруганных, зарубленных озверевшими победителями...

Озрик залпом допил вино и с силой сдвинул виски кончиками пальцев. В дверь осторожно постучали

– Ваша Светлость, – раздался голос служанки, – к вам гость. Ожидает в большом зале.

– Пойдем, дорогая, – сказал он, беря жену под руку. – Это Трор. Я познакомлю тебя с ним.

По винтовой лестнице супруги спустились на первый этаж напрямую в Большой Зал, где ярко полыхал камин, ночи в горах были прохладными. Его пламя и несколько светильников, заправленных подземным маслом, рассеивали темноту у Высокого стола, остальная часть огромного помещения оставалась во власти теней. Тангар сидел на скамье возле освещенного края стола и пил вино. Борода его была тщательно расчесана, на шее, поверх темно зеленого камзола, сверкала массивная золотая цепь с медальоном в виде вставшего на дыбы медведя. Сверкал надетый ради торжественного случая драгоценный пояс, отделанный золотом, серебром и драгоценными камнями. Штаны, заправленные в начищенные до блеска сапоги, были тщательно вычищены.

Завидев графа, Трор встал из-за стола навстречу другу. Руки человека и гнома встретились в крепком рукопожатии.

– Твоя рука все так же крепка, Тангар, – с улыбкой сказал Озрик.

– А твои погреба все так же богаты, – ответил Трор, гулко хлопая графа по плечу. – Прекрасное Акеларское.

– Ты все так же не разбираешься в винах, – рассмеялся граф, – это Кахарское!

– Позор на мою бороду! – возопил гном. – Ты мог бы промолчать!

– Будто ты промолчал, назови я эль – медовухой! Рад тебя видеть брат. Я смотрю, ты вырядился как на королевский прием.

– Ты предупредил, что представишь меня своей супруге. А истинный Тангар должен быть безукоризнен в присутствии дамы. Представишь меня или я сам отрекомендуюсь?

– Клянусь Лисом, поход за море прибавил живости твоему языку – рассмеялся Озрик – Ну что ж. Гном Трор, сын Даина из рода Золотого Медведя.

Гном отвесил глубокий поклон, почти подметая пол бородой.

– Моя супруга, высокородная Анариэль, старшая дочь Владыки Аэра, графиня Сильверфокс.

– Я рада приветствовать друга моего мужа в нашем Доме, – Анариэль вернула поклон, а Озрик внимательно смотрел на Трора. Ни единый мускул не дрогнул на лице тангара, лишь что-то странное мелькнуло в глубине глаз.

«Молодец Трор, – подумал Озрик, когда они усаживались за стол, – сдержался.»

Вёлве оказался опытным капитаном. «Морской Змей» ходко шел по волнам, ловя парусами попутный ветер и уже к утру второго дня входил в гавань Ортоса, единственного большого города на Шести Островах.

Мягко стукнувшись бортом о причал, корабль ошвартовался. Моряки скинули сходни, и Озрик ступил на белые камни пристани, где его уже ждали. Какими путями Вёлве сумел подать весть о странном пассажире, Озрик не представлял, но у выхода с пирса выстроились стражники во главе с бессменным капитаном Галиатом, хорошо знакомым Озрику по прошлым визитам. Граф внимательно осмотрелся, но мечи стражников покоились в ножнах, а луки в саадаках. Значит встреча пока мирная. Капитан сделал два шага вперед, поднимая руку в приветственном жесте.

– Долгих лет тебе, Странник, – сказал Галиат, – приветствую тебя на берегу Ортоса.

– Приветствую тебя, доблестный воин. – Озрик приложил руку к сердцу и поклонился, – Я принес весть славному Аэру, правителю государства первожденных и прошу аудиенции у владыки.

– Не в моей власти решать, кто может говорить с государем, но весть о тебе достигла Его Величества и у меня приказ доставить тебя во дворец.

– Полностью отдаю себя в руки доблестной Стражи, – ответил Озрик, склоняя голову и следуя за эльфом к выходу с пристани.

Покинув шумный порт Озрик, на время, забыл о своих заботах, поддавшись духу эльфийской столицы. Лишь в Княжгороде Озрик чувствовал себя так же хорошо, как здесь. Но стольный град Вольного Княжества будоражил и горячил кровь, заставляя быстрее и радостнее биться сердце воина. Княжгород дарил ощущение свободы и силы, звал за собой. Дух эльфийского города напротив начисто вымывал тревоги и дарил душе целительный покой. Озрик давно уже не бывал в Ортосе и теперь с жадным любопытством глядел по сторонам. Ортос был прекраснее любого людского города и даже стольный Итиль не мог равняться с ним, как не может тягаться рыбацкая деревушка с вольным градом. Улицы Ортоса были мощены разноцветными каменными плитами, сливавшимися в затейливые узоры. У обочин улиц, вдоль желобов с кристально чистой водой росли деревья, привезенные эльфами из родных лесов. Здания поражали воображение гармоничностью линий и стройностью форм. Тонкая резьба, покрывавшая стены, колонны, балконы и террасы создавала ощущение воздушности и невесомости строений. И выше всех зданий, среди буйной зелени, парил королевский дворец, будто сотканный из тончайших кружев и морской пены.

У ворот дворца наваждение покинуло Озрика, вернулась тревога и ноющая боль, терзавшая сердце, но вместе с тем пришло чувство спокойной уверенности в том, что он пойдет до конца, каким бы этот конец не был.

– Государь ожидает тебя, Странник, – сказал Галиат, переговорив с превратной стражей. – Тебя проводят. Мне же пора возвращаться на берег. Да пребудут с тобой Предвечные Звезды.

– Да хранит тебя Великий Дух, доблестный воин, – ответил Озрик и последовал за стражниками в ворота.

«А этот дворец мало чем отличается от того что был в Алда-Ап-Гоэре, – думал Озрик пока его вели через привратный зал, коридоры и анфилады комнат, – и если это так, то ведут меня не в Тронный Зал». Он огляделся, пытаясь припомнить планировку старого дворца Аэра: поворот, коридор, еще поворот – ощутимо пахнуло свежестью – на Западную Террасу. «Значит, говорить будем наедине.»

Провожатый свернул в короткий переход и распахнул дверь в узкой сводчатой арке, жестом приглашая Озрика войти.

Просторная терраса была, в этот утренний час, погружена в прохладную тень. Сквозь распахнутые окна, из которых открывался изумительный вид на поросшие буйной зеленью холмы, вливался легкий ветерок, доносивший журчание воды и аромат садов, разбитых вокруг дворца. Владыка сидел возле окна в кресле с низкой спинкой, внимательно читая свиток, который держал в руках. Рядом с ним стоял низкий столик, заваленный пергаментом и еще одно кресло. На другом столике стоял серебряный кувшин и два изящных кубка богато украшенных самоцветными камнями. И хотя давно уже не было эльфам никакой бранной угрозы, позади короля изваяниями застыли два стража личной гвардии. Озрик, отлично знавший на что способны эти воины, преклонил колена, не доходя пяти шагов до Аэра.

– К чему все эти церемонии, Странник, – сказал владыка глубоким и звучным голосом, откладывая свиток. – Поднимись. Я ждал тебя. Надеюсь, что ты сможешь мне в моем горе.

«Так вот куда ты шел, Странник...», – подумал Озрик поднимаясь.

– Сожалею, Ваше Величество, но я не Странник, которого вы ожидали.

Владыка удивленно вскинул бровь и Озрик почувствовал, как напряглись стражи за его спиной.

– Я пришел сюда, рассказать правду о случившемся год назад в Долине Ручьев.

Их взгляды скрестились, темно-зеленый как лесная хвоя и холодный синевато-серый как полярный лед. Помедлив мгновение, Озрик отстегнул пыльник и сбросил капюшон.

– Озрик?! – пораженный владыка поднялся с кресла и шагнул к Озрику. – Ты ли это?! Мне доносили, что ты мертв?!

– Весть о моей смерти... не соответствуют истине, Ваше Величество, – Озрик склонился в поклоне. – Хотя автором тех слухов был я сам.

– Почему?! Что произошло?! И где Анариэль?

– Я отвечу на все вопросы. Для этого и прибыл – просить прощения и помощи.

– Подожди, – Аэр кивну в сторону кресел, – садись и рассказывай. Клерин! Вели подать еще вина, и распорядись приготовить трапезу. Здесь!

– Не думаю, что Вам захочется разделить со мной трапезу, Ваше Величество, – мрачно сказал Озрик, опускаясь в кресло.

– Зависит от твоих слов, граф, – Аэр уже пришел в себя после первого удивления. – Рассказывай!

Озрик начал рассказ о горном имении, о Троре, некроманте и рейдерах, о наемнике и разговоре с Анариэль, о Утренней Звезде и обмане, о всем что произошло в те летние дни.

Аэр долго молчал, бесстрастно взирая на пейзаж за окном.

– Ты бросил мою дочь на произвол судьбы, – сдерживая гнев, сказал король. – Как ты мог?! Как ты мог отпустить её одну?! Как ты мог вообще выпустить её из осажденного замка?!!

– Такого было её желание, – как можно спокойнее ответил Озрик, – она считала, что только так можно будет избежать боя и кровопролития.

– У тебя своя голова есть!

– Да не мог я её удержать! – взорвался Озрик. – Не мог я удерживать Анариэль против её воли! Я дал ей слово, что опущу её, как только она пожелает!

– Ты мог дать ей больше воинов!

– Я едва убедил её взять одного!

– Ты мужчина или нет?!

– А вы не знаете свою дочь?!

При этих словах гнев Аэра как-то сразу выдохся. Он опустился в кресло, и устало откинулся на спинку.

– Почему ты не попытался её отбить?

– Я не мог вести людей на верную смерть, Храмовников было больше сотни. А у меня только сорок человек, большей частью отроки, года в дружине не пробывшие... И... я ведь читал её письмо и считал, что это её желание.

Озрик поник головой и закрыл глаза ладонями:

– Идти против её выбора я не хотел.

– Что было дальше? – жестко спросил Аэр.

Озрик продолжил говорить. О своем подлоге и бегстве, о поисках Ратмира и ночном разговоре, о пути в Ортос и встрече со Странником.

Когда Озрик закончил рассказ трапеза, к которой он едва притронулся, давно остыла. И гнев обоих мужчин тоже. Аэр молчал, задумчиво перебирая пальцами по резному подлокотнику. Озрик сидел, уткнувшись взглядом в пустую тарелку. Еда не лезла в горло ни ему, ни владыке.

– Я должен был казнить тебя за твой поступок, – произнес, наконец, Аэр, – казнить позорно как труса и предателя!

При этих словах Озрик вздрогнул как от удара, но ничего не сказал.

– И казнил бы, если бы знал тебя хуже, и, если бы я не знал свою дочь.

Озрик по-прежнему молчал.

– Есть еще один довод в твою пользу. Эта проклятая Утренняя Звезда! – Король встал и, подойдя к парапету, продолжил, не глядя на Озрика, – Анариэль не первая в моем роду, кого касаются её лучи, но раньше... Утренняя Звезда была благом для перворожденных. Мы тво-рили... мы создавали... мы одерживали победы в её сиянии, – владыка обернулся к Озрику. – А теперь это привело к несчастью... Ты оправдан по всем статьям, сын мой... Я, а не ты, дол-жен просить прощения.

– Не стоит, Ваше Величество. Здесь такой клубок, что невозможно понять степень вины... Один шанс – разрубить этот узел и втоптать его останки в прах!

– Ты для себя уже все решил?

– Да, Ваше Величество, я пойду до конца. Не важно, как и кто будет со мной, я вытаску Анариэль из плена. И убью всех, кто встанет на моем пути.

– А если она все же не захочет освобождения? – спросил Аэр и содрогнулся, увидев, как полыхнули бешенством глаза Озрика.

– Тогда я доставлю её сюда, в ваш дворец и верну ей Ленту. Дальше пусть живет, так как хочется!

– Успокойся Озрик, сейчас не время для гнева. Скажи лучше, какую помощь я могу тебе оказать?

– Мне нужны воины, Ваше Величество. Эльфы – лучшие лучники во всех обитаемых землях.

– Боюсь этого я сделать не смогу, – сказал Аэр после долгого раздумья. – Эльфы, штур-мующие замок наугрима – это нарушение договора. Я не могу жертвовать благополучием сво-его народа. Даже ради спасения собственной дочери. Еще первые стрелы не успеют найти свою цель, как наугримы объявят договор расторгнутым.

– Только если на то не будет решения самих гномов.

– Ты хочешь обратиться к старейшинам Кривого Кряжа?

– И призвать Трора к ответу на суде. Он захватил мой замок и похитил твою дочь. Это тоже нарушение договора. А гномы хотят мира не меньше эльфов.

– А если Трор явится на суд?

– Тем лучше, – пожал плечами Озрик, – я вызову его на поединок и убью.

– Значит, на суде его не будет, – владыка вновь наполнил кубок, – хотя он будет знать, что ты жив.

– Это мало что меняет, обвинение будет предъявлено не мной, а Владыкой эльфов.

– Хитро. Сколько времени тебе надо?

– Трех месяцев хватит. К исходу лета мыслю быть уже под стенами замка.

– Я дам тебе две сотни. Больше не проси, оголять побережье я не стану, не смотря на мир.

– Этого хватит, – кивнул Озрик. – Через три месяца в Калорне я буду ждать лучников Ортоса, Ваше Величество.

– Да будет так, – владыка поднялся, – с тобой отправится посланник, облаченный правом говорить от моего имени... Я пошлю с тобой Галиата. Капитан умеет хранить молчание лучше остальных. Кроме того, он опытный воин и не будет тебе обузой в долгом пути.

– Спасибо, Ваше Величество, – Озрик поклонился.

– Оставь церемонии Озрик, мы не при дворе. Отправишься морем?

– Только до Таэра. Там меня будут ждать. Дальше по суше.

– Морем быстрее.

– Только не для Проводника.

– Клерин! – двери тотчас распахнулись, и на пороге возник распорядитель. – Вызови Галиата и распорядись подготовить «Ласточку» к выходу в море к вечеру.

Придворный молча поклонился и исчез за дверью. Аэр повернулся к Озрику.

– Надеюсь, что с Анариэль все будет в порядке, пока ты собираешь войско.

– Она знает, что я жив, – кивнул Озрик и показал королю Алуя Ленту, охватывающую его руку. – И знает, что я иду за ней...

Анариэль устало опустилась в кресло. Трор вновь ушел, не добившись ничего, кроме молчания и ледяного взгляда поверх головы. Ненасытному наугриму было мало того, что он владел её телом, он жаждал подчинить еще и душу. Анариэль прикрыла глаза, уже привычно погружаясь в воспоминания, которые придавали её сил, позволяя сдерживать натиск Трора...

– ...Что вы там увидели, девочки? – голос старшей сестры заставил девушек-близняшек отпрянуть от окна. – Людей никогда не встречали? Или послов вам видеть в новинку?

Близняшки переглянулись, смущенно потупив взгляд, словно старшая сестра застала их за чем-то предосудительным.

– Разве бывает такое посольство? – спросила одна из близнецов. – Раньше таких не случилось...

– Ну и что же в нем удивительного? – Анариэль подошла к сестрам.

Похожие как две капли воды девушки, которым, по человеческим меркам, едва можно было дать пятнадцать лет, потеснились, освобождая место возле окна. Высокие и стройные, светловолосые и темноглазые, они были одеты в одинаковые светло-зеленые платья с длинными рукавами-крыльями, вышитые серебром и мелким жемчугом, перехваченные в талии золочеными поясками. Анариэль же была совсем не похожа на сестер. Волосы, густые, цвета темного золота были стянуты в тугий хвост, ярко-зеленые глаза такие же, как у отца. Миниатюрная, обладающая точеной фигуркой, движениями и обликом она напоминала лесную хищницу – рысь. Предпочитая удобство придворному этикету, Анариэль была одета в охотничий костюм – короткий камзол темно-синего цвета поверх рубашки из тонкого шелка был перетянут широким поясом из прочной кожи, штаны и сапоги. На поясе был подвешен длинный, кинжал в черных ножнах, окованных серебром.

– А ты посмотри сама.

Анариэль посмотрела вниз, во двор замка. Послы действительно выглядели необычно. Вместо внушительного отряда из слуг, воинов охраны, писарей и помощников во главе с парочкой надутых от чувства собственной важности придворных, во дворе спешивались всего пятеро воинов. Четверо были похожи как близнецы, высоченные, плечистые в знаменитой снежно-белой броне. На щитах и плащах красовался рвущийся в полет неистовый феникс.

«Императорские гвардейцы. Уже интересно», – подумала Анариэль, внимательно рассматривая пятого человека. Хотя его стоило назвать первым. Уступив гвардейцам в росте, он превосходил их в воинской стати, властности и силе, сквозившей в каждом его движении. Вороненная кольчуга, словно вторая кожа, облегла тело война, чуть позвякивая при каждом движении, на левом бедре покачивался прямой меч в простых ножнах, на правом боку – длинный кинжал-бебут. Шлем – ерихонка с глухим забралом-маской покачивался у седла рядом с треугольным щитом тарчем, на котором, на зеленом поле танцевал снежно-серебряный зверь.

– Граф Сильверфокс. Империя не поскупилась на посла в этот раз.

Анариэль обернулась. Рядом, неслышно подойдя, стоял Ахтар ан Аин, дядя по матушкиной линии. Убеленный сединами, дядя был когда-то лихим воином, о дерзких рейдах которого ходило множество рассказов и баллад. А гномы за его голову обещали оплатить рубинами

по весу один к одному. Теперь же, столь же лихо и умело Ахтар вел внешнюю разведку королевства.

– Что-то бедновато выглядит для щедрого посольства, дядя, – сморщила носик вторая близняшка.

– Щедрость не всегда измеряется золотом и драгоценными камнями, малышка, – усмехнулся Ахтар. – Сильный боец, посланный врагом по твою душу тоже щедрость. Озрик, граф Сильверфокс, без сомнения является сильным соперником. И на поле боя и на переговорах.

– Он настолько хорош, что даже ты это признаешь, дядя? – удивленно спросила Анариэль, выросшая на рассказах о Великом Ахтаре-Победителе.

– Нет ничего постыдного в признании силы соперника, Лин, – ответил Ахтар, назвав Анариэль домашним именем.

Помедлив немного, старый воин добавил:

– Он – Легенда. И даже если правда только половина рассказов о Озрике, я не хотел бы свидеться с ним на бранном поле.

– И что же такого о нем рассказывают? – Анариэль с интересом посмотрела на посланника империи, – по виду ничего такого не скажешь...

– Лин, Лин, – покачал головой Ахтар, – детские ошибки позволенные младшим недопустимы для тебя. Никогда не суди о людях по внешности. Она обманчива, как туман лунной ночью. Покажет тебе того чего нет, заморочит голову и исчезнет, оставив в дураках.

– Давай опустим прописные истины, дядя, – фыркнула Анариэль, – вернемся к сути. Чем знаменит этот человек?

– Упрямышься, девочка, – усмехнулся Ахтар. – Раз так, вот тебе урок. О графе Сильверфокс ты выяснишь все сама. Узнаешь, обдумаешь и перескажешь мне.

И старый воин пошел прочь по галерее, посмеиваясь над онемевшей от возмущения племянницей.

Глава 3

Таэр

– Интересные, однако, люди шастают в твоих владениях, – сказал Трор отхлебывая из большой кружки.

Ужин уже давно кончился, Анариэль сославшись на усталость, поднялась в свои покои, а побратимы, переместившись в малый зал, сидели у ярко пылавшего камина, потягивая густое темное пиво.

– Что за люди? – Озрик, несмотря на количество выпитого, сохранял ясную голову, будто и не пил вовсе.

– Когда бивуак разбивали, к дозорным вышел человек. Станный такой. Парни потом говорили, что от него мороз по коже шел. А ведь воины опытные, не новички. – Трор покачал головой и вновь отхлебнул пивка, – Ну и поговорили с ним. Человек этот сказал, что в горах есть рейдеры Сумеречников...

– Это вряд ли. Что тут сумеречникам делать в нашей глухой провинции... Ты сам с ним говорил?

– Так в том то и дело, что нет! – Трор в сердцах грохнул кружкой по столу. – Ворожеем паскудник оказался. Зачаровал он стражей, расплющи его молот! Парни его отпустили и стояли будто замороженные, насилу обоих в чувство привели.

– Маг? – Озрик задумчиво потер подбородок. – Что здесь забыл маг? Как он выглядел-то твои ребята запомнили?

– Запомнили, он видно и не скрывался. Высокий, темный. Плащ на нем был такой черный и рубаха красная, – Трор наморщил лоб, вспоминая подробности, – на шее медальон серебряный в виде звезды... И посох... Точно. Посох с черепом!

– Лесной Отец! – Озрик отхлебнул пива, стараясь проглотить вдруг вставший в горле комок. – Некромант!

– Некромант?! – брови гнома поползли вверх от удивления.

– Скорее всего. Никакой другой маг череп на посохе носить не будет, – Озрик задумчиво глядел на танец пламени в камине.

– Ну, может и не некрмант, – сказал Трор, подливая себе пива, – Магики мечей не носят. У этого был.

– Меч, говоришь, был... – Озрик дернул себя за ус. – Это совсем плохо... Я этого выродка знаю.

– Кто такой?

– Видентес Мертвая Голова. Лет семь назад бесчинствовал в окрестностях Орина, – Озрик с хрустом сжал кулаки. – Мы его тогда ловили... Пожгли всех его учеников... книги, да и логово спалили, а сам он ушел... Я думал уже не вернется, а вот тебе новость! Неспроста он здесь объявился, ох, неспроста.

– По твою душу, думаешь?

– Возможно, – ответил Озрик, – Корин!

На пороге тенью возник молодой стражник.

– Ваша Светлость?

– Найди Саида. Скажешь, я приказал удвоить стражу на воротах и стенах. И никого без моего разрешения не пускать! Хоть сам Великий Дух во плоти явится!

– Слушаюсь, Ваша Светлость! – воин развернулся и выскочил за дверь.

– Чего ты так всполошился? – Трор икнул и отхлебнул пива. – Эта головешка так опасна?

– Он опытен и многое умеет. Со мной-то магией не совладать, а вот через кого другого напасть вполне способен.

– Думаешь, нападет на замок?

– На замок – сил не хватит, селянам же может достаться, – Озрик поморщился, – да и Анариэль...

– Твоя супруга? Что ей может грозить в замке?

– Она каждый день на прогулку ездит. С эскортом конечно, но что простые воины могут против мага...

– Так не пускай!

– Не могу. Ради этих прогулок я и привез её сюда. Итиль её гнетет. В Сильверфоксе чуть лучше, но он на вересковых холмах стоит, а ей нужен лес. Она ведь Эльфийка..., – Озрик стремительно глянул на тангара.

– Я уж понял, не слепой, – Трор спокойно прихлебывал пиво, – угораздило тебя жениться на эльфийке.

Гном фыркнул и расхохотался:

– Сделай лицо попроще и не переживай! Моя вражда к длинноухим на жену друга не распространяется, – Тангар гулко хлопнул Озрика по плечу, – на твоём месте я бы и сам на ней женился, твоя жена – редкостная красавица. А что до прогулок, отправлю своих ребят в караулы. Последим. И если эта черепушка, где появится – прикончим.

– Ну, спасибо, брат, уважил, – Озрик вернул удар и Трор подавился пивом.

– Кстати, – прокашлявшись, спросил Трор, – а что по рейдерам?

– В смысле?

– Ну, есть они тут или как? Если есть, прошу, скажи где. У меня с этими гаденышами свои счёты!

– Да нет здесь рейдеров, откуда. Егеря есть. У баронов, соседей моих. Эти высокородные засранцы обожают охоту. Может, некромант их за Сумеречников принял?

– А что, похожи?

– Похожи. Особенно у барона дан Порты, – кивнул Озрик. – Толстяк когда-то поучаствовал в походе против Кахара. Ну и проникся любовью. Целый обоз барахла с собой приволок. И слуги у него в основном кахарцы. Ну и выглядят соответствующе. Ты смотри, гноме, не перепутай. Не хватало ещё разнимать вас с бароном.

– Не перепутаю, – ответил Трор поднимаясь. – Ладно, брат. Поздно уже, поеду к своим.

– Остался бы?

– Да не судьба. Мало ли что учудят там ребята без меня. Рад был встрече.

– Заезжай ещё, брат, – сказал Озрик, пожимая руку гному – пива и убоины всегда хватит.

Корин! Проводи гостя до ворот!

Трор ушел, а Озрик ещё долго сидел у камина, глядя на прогорающие угли.

– Выходи, – вдруг сказал граф в темноту, – и больше так не делай.

Из мрака бесшумно возникла фигура в черном камзоле, штанах и сапогах. Лицо пряталось под капюшоном. За спиной висел лук и колчан со стрелами, на поясе кинжал.

– Мое почтение, граф, – тихо, но твердо произнес пришелец.

– Садись, – ответил граф, выкладывая на стол взведенный арбалет. – И скажи напарнику, чтоб убрал лук. Вражды между мной и Лигой нет.

Сумеречник, поколебавшись несколько мгновений, тихо свистнул. Из тени показался второй рейдер, продемонстрировал пустые ладони и исчез в темноте. Озрик разрядил арбалет.

– Давно вы здесь?

– Достаточно

– Про тангара все поняли?

Сумеречник кивнул.

- Не трогайте его. Попадётся – выдавайте себя за егерей. Про некроманта слышал? Новый кивок, сопровождаемый легким смешком
- Найдете его – убейте. Оплата как всегда, – Озрик жестко посмотрел на рейдера, – и в следующий раз приходите в замок обычным путем.
- Ему показалось или Сумеречник позволил себе самодовольно улыбнуться.
- Магистру, мое почтение. Сахибу Аратана тоже. Он еще жив?
- Пока да, – ответил Сумеречник, – что, с его характером, крайне удивительно.
- Передайте сахибу, что через месяц на храм Аратана будет карательный поход. Барон Корор из Калорна жаждет снискать славу победителя Сумеречной Лиги. Это как задаток.
- Я тебя понял, почтенный, – сказал Сумеречник, вставая, – мы уходим. Понадобимся – вывесим стрелу на южной башне.
- Озрик кивнул, и рейдер растворился во мраке так же бесшумно, как и возник.
- «Щенки слепые, – подумал Озрик про стражу, поднимаясь вверх, – Сумеречников проглядели. Хотя... хорошо, что так, зря полегли бы».
- В спальне горели свечи, Анариэль сидела на скамье у зеркала, расчесывая волосы. Озрик молча присел на край кровати и стал стаскивать сапоги.
- Что случилось, дорогой? – Анариэль присела рядом, помогая скинуть камзол, – ты обеспокоен.
- Озрик привлек жену к себе, целуя золотистые завитки волос у виска.
- Ограничь свои прогулки ближними окрестностями замка, дорогая. Сегодня мне принесли дурные вести.
- Эльфийка отстранилась и требовательно взглянула мужу в глаза.
- В окрестностях появился некромант, – ответил граф на немой вопрос. – Я его хорошо знаю. Слишком хорошо.
- Ты думаешь, он явился за тобой?
- Хочет отомстить. Со мной ему не справиться, а твоя жизнь для него лакомый кусочек.
- Убив меня, он получит силу и свершит месть... – понимающе кивнула Анариэль
- Озрик прижал жену к себе
- Анариэль, дорогая. Побереги себя, пока я его не отыщу. Ради меня. Мне страшно подумать, что ты можешь попасть в лапы этому ублюдку...

Рассвет застал «Ласточку» в открытом море. Корабль, лоя позолоченными утренним солнцем парусами попутный ветер, рассекал волны Лазурного Моря, забирая далеко на юго-запад чтобы обогнуть огромный полуостров, протянувшийся далеко на полдень. Полных две недели «Ласточка» шла в открытом море, не заходя в порты и не приближаясь к берегу. И лишь однажды команда положила корабль в дрейф, когда на траверзе показались леса Алда-Ар-Гаэра, зеленой стеной подступавшие к самому берегу. Вся команда выстроилась вдоль борта, молча глядя на священный лес, пока течение и ветер несли «Ласточку» прочь. И лишь когда пуши Алда-Ар-Гаэра оказались за кормой, на мачтах вновь подняли паруса.

Каждое утро Озрик поднимался на палубу, встречая солнце, величественно выплывающее из водной пучины за кормой «Ласточки». Одежд Странника он не снимал, держа команду в неведении. Для эльфов он оставался просто гостем короля, и это его вполне устраивало.

Даже Галиат, явно озадаченный своей миссией герольда, не догадывался о личности своего спутника. И не смотря на любопытство, распивавшее эльфа, запрет короля не давал, скованному железной дисциплиной, капитану открыто спросить Озрика о его имени. Однако каждый раз граф ловил на себе пристальный взгляд Галиата, теряющегося в догадках и однажды, уловив во взгляде эльфа изрядную толику неприязни, Озрик понял, что тянуть дальше бессмысленно.

– Нам надо поговорить, уважаемый Галиат, – сказал Озрик на следующее утро, когда туманная полоса на горизонте превратилась в ясно различимую полоску берега. «Ласточка» приближалась к Таэру.

Внимательно взглянув на эльфа, четко добавил:

– Наедине.

Галиат молча кивнул и спустился в каюту вслед за Озриком. Усевшись на скамейки, напротив друг друга эльф и человек с минуту молчали, меряясь взглядами. Немного помедлив, Галиат решил было задать вопрос, но Озрик поднял руку, призывая к тишине. Затем вздохнул и, отстегнув пыльник, откинул капюшон.

Лицо Галиата вытянулось и побледнело, руки дернулись то ли к эфесу меча, то ли сделать оберегающий жест.

– Узнал? – спокойно спросил Озрик.

– Узнал, – голос Галиата оставался тверд, – значит ты не...

– Мертв? Для большинства, да. По слухам... – Озрик позволил себе тень усмешки. – А так... Жив, так же, как и ты.

– Тогда зачем называться мертвым? – было видно, что, не смотря на показное спокойствие, Галиат едва сдерживает себя. – Что происходит? И где, во имя Предвечных Звезд, госпожа?

– Это мои ошибки и моё личное дело, – мрачно проронил Озрик. – Что касается моей жены... Она в плену.

– И ты спокойно об этом говоришь?! – взорвался Галиат, вскакивая. – Ты сидишь и играешь в непонятные игры?! Надо идти на помощь! Выручать госпожу! Немедля...

– Сядь! – голос Озрика стеганул словно плеть, Галиат вздрогнул и нехотя опустился на скамью.

– Я уже отгоревал своё и без толку. Анариэль надо выручать из полона, а не бросаться на стену в самоубийственных атаках. Иначе погибнем, дело не сделав.

– Если и погибнем, то с честью! Выручая госпожу! – воскликнул Галиат в запале.

– Ну да, мертвые сраму не имут, – криво ухмыльнулся Озрик. – Много же пользы будет от наших голов перед вражьем замком.

– Есть моменты... – начал было Галиат упрямо.

– Есть! Были и будут! – отрезал Озрик. – Надо будет – пойду на клинки, не задумываясь! Ты слушать будешь или будем продолжать этот бессмысленный спор?!

– Бессмысленный?! – вновь вскинулся Галиат.

– Именно! Ты не знаешь всего, и не узнаешь, если будешь доказывать мне прописные истины как восторженный юнец, наслушавшийся менестрелей. Так что помолчи ныне и изволь слушать!

Галиат, возмущенный такой отповедью, замолк.

– Анариэль захватил гном Трор, мой побратим, – горькие слова дались Озрику с трудом, беря незажившую рану. – Не суть сейчас как именно, но он смог заставить меня считать это желанием Анариэль. Правда вскрылась слишком поздно. У Трора в горах крепость и сильный гарнизон. Так что соваться туда с ходу верный способ свести счеты с жизнью. Нам нужно собрать дружину для штурма крепости...

– Государь даст воинов!

– Уже дал. Целых двести лучников, – спокойно парировал Озрик – ты готов вести сородичей на убой?

Галиат смутился и вновь замолк.

– Ты знаешь, что мы идем с посланием к старейшинам гномов Кривого Кряжа, – продолжил Озрик, доставая из сундучка кубки и наполняя их вином из оплетенной соломой бутылки, –

ты потребуешь суда над Трором, обвиняя его в нарушении Ордосского договора и оскорблении своего государя.

– И что это даст?

– Многое. В первую голову решение суда в нашу пользу лишит Трора поддержки, и облегчит нам ведение осады. Мне как-то совсем не улыбается внезапно оказаться между стенами крепости и атакующим хирдом. Лучше иметь хирд на своей стороне.

– Думаешь, у Трора нет друзей среди сородичей?

– Есть, но один-два гнома в крепости погоды не сделают. Его собственный клан уничтожен давным-давно, а помощи других он запросить не сможет, – закончил Озрик.

Галиат молча вертел кубок в руках, уткнувшись глазами в стол.

– Я не понимаю тебя, Озрик, – наконец сказал эльф, упрямо поджав губы, – как ты можешь спокойно рассуждать, когда госпожа в плену у грязного наугрима? И мне страшно думать, что он делает с госпожой. А ты рассуждаешь о сборе дружины и дипломатических эпюдах! Неужели у тебя нет ни капли любви к своей супруге?

– Ты считаешь лучшим броситься сейчас к крепости, стукнуть копьём в ворота и вызвать Трора на поединок?

– Хотя бы так!

– И лечь под этими воротами со стрелой в горле! – Озрик грохнул кубком по столу. – Трор не воин уже. Он преступил все писанные и не писанные законы. И поступать с ним надо как с бешеной крысой.

В глазах Озрика плескалось яростное пламя:

– За каждый день, что она проводит в плену, я расплачусь сполна и отвечу перед ней, после того как все кончится! И судить меня может только она! Не ты и никто другой! Сейчас мне важен результат, не методы и способы. Важно спасти Анариэль и раздавить это отродье пещерной тьмы. Мертвым я этого не сделаю.

Озрик жадно опростал кубок и перевел дух:

– Ни одного лишнего дня не будет потрачено зря, в этом я тебе могу поклясться чем угодно, – добавил он глядя на стиснувшего рукоять клинка эльфа. – Потом можешь вызвать меня на бой или просто пристрелить, но сейчас слушай меня. В Таэре нас ждет Проводник...

К Таэру Ратмир вышел за два дня до срока, назначенного братом. Жизнь проводника давно уже приучила Ратмира радоваться немудреным удобствам трактиров и харчевен, и он с наслаждением пользовался любой возможностью отдохнуть под крышей, в тепле и уюте. Вот и теперь Ратмир, устроившись в углу большого зала таверны «Золотой Тур», со вкусом поглощал жаркое и пиво, вполуха прислушиваясь к разговорам постояльцев и горожан, временами поглядывая на входную дверь. Идти никуда было не надо, да и не хотелось. Ливень, разразившийся над городом, надежно отгонял любые мысли о прогулке, кроме того сегодня истекал срок ожидания, и, хотя в дороге могло случиться всякое, вот-вот должен был появиться Озрик.

Ратмир отхлебнул пива и лениво скользнул взглядом по залу. Посетителей пока было не много, что не удивляло, если учитывать погоду и время дня. Ближе к вечеру в «Золотом туре» будет не протолкнуться, а сейчас едва ли треть столов была занята. Несколько купцов, зашедших просушиться, беседовали возле очага. Пара мастеровых отдавали дань кухне, да еще в противоположном углу расположилась компания приезжих в потертых кожных и заляпанных дорожной грязью сапогах, все при мечях, двое с долгими боевыми луками. От этого стола вскоре стали доноситься взрывы хохота и добродушная брань.

«Наемники, – подумал Ратмир, присматриваясь, – издалека. В стражу береговую наниматься пришли, что ли...»

Очередной взрыв хохота заглушил раскат грома за стенами таверны. Дверь распахнулась и через порог шагнул человек, закутанный в мокрый, зеленый плащ с глубоким капюшоном,

скрывающим лицо. Вслед за ним вошел высокий эльф много меньше пострадавший от разгула стихии, чем его спутник.

«Странник и эльф – необычная пара», – подумал Ратмир, а увидев, что пришедшие направляются напрямик к нему, удивленно вскинул брови.

– Мир тебе, Проводник, – сказал Странник приглушенным голосом, – Великий Дух свидетель, рад встретить тебя здесь. Дело у нас имеется неотложное.

– И вам поздорову, – ответил Ратмир, делая приглашающий жест. – Дела ко мне имеются у многих, да только я сейчас на отдыхе, досточтимые.

Непонятно почему, но Ратмиру показалось, что Странник улыбнулся при этих словах.

– Ты все ж выслушай нас, а потом реши – продолжать тебе свой отдых или нет.

– Послушать можно, ибо труд невелик, – ухмыльнулся Ратмир, – присаживайтесь, уважаемые...

– Галиат, волей Предвечных Звезд герольд Владыки Аэра, – представился эльф, присаживаясь на скамью напротив Ратмира.

Странник же молча обогнул стол и, устроившись в углу, где тень опорной балки делала его почти невидимым, промолвил:

– Дело у нас простое, но срочное. Нужно нам до конца месяца попасть в Княжгород. Да по пути завернуть в Итиль и Орин. Сам понимаешь, дорога долгая и простыми путями в срок никак не уложиться.

– Я бы с удовольствием провел вас, досточтимые, – попытался отговориться Ратмир, гадая, откуда на его голову, свалилась эта странная парочка, – но, увы, я уже заключил договор на поход и жду клиента с минуты на минуту...

– Это не проблема, Проводник. Вопрос с твоим заказчиком, мне думается, решить будет не сложно, – прервал его Странник, жестом пресекая все дальнейшие попытки Ратмира отказать.

Жест был знаком молодому Проводнику, знаком с детства, когда, очень часто вызывал у него бурю возмущения, злость и обиду. С таким же категоричным взмахом руки старший брат отметал все его, Ратмира, возражения и пресекал попытки добиться своего. Брат всегда оказывался прав, и это злило еще больше. Увидев этот жест Ратмир, на мгновение, онемел, замерев с открытым ртом.

– Узнал, наконец, – усмехнулся Озрик, отстегивая пылевик, – я уж и не надеялся.

– Какого...! – Ратмир задохнулся от возмущения, – что за идиотизм?! Ты с ума сошел – выдавать себя за Странника?!!

– Успокойся, брат. Так надо. И только с позволения настоящего Странника. Ты выполнил мою просьбу?

– Выполнил, – обиженно буркнул Ратмир, – кольцо доставлено. Еще и Этеля успел навещать. Вот тебе посылка.

Младший брат вытащил из-под стола длинный, тяжелый сверток и передал его старшему:

– Думаю именно то, чего тебе сейчас не хватает.

Озрику не понадобилось разворачивать плотную ткань, чтобы узнать свой собственный меч, оставленный на попечение Мизгиря перед уходом. До боли зачесались ладони от желания взяться за рукоять, высвободить клинок из тесного плена ножен...

– Эй! Хозяин!! – донесся от стола, где гуляли наемники, зычный голос. – Неси еще вина! Мой кувшин пуст, а в глотке сухо как в песках Кахара!

Одобрительный рев десятка глоток стал поддержкой этому воплю. Но не успел трактирщик наполнить кувшины, как другой голос перекрыл возгласы всей компании.

– Отставить вино! Хватит!

– Какого демона, Таэль! – возмутился тот, кто требовал выпивки. – Тебе вступило что ли поила зажилить для ребят?! Сам не пьешь, так уж и другим нельзя что ли?!

- Заткнись Берг! – голос стал жестким и колючим. Наемники враз притихли
- Я сказал, хватит! Все, отдых закончен. Чтоб через пять минут все были в седлах!
- Да ты чего, Таэль?! – возопил Берг. – В такую погоду и в дорогу?

– Кто боится намокнуть, может оставаться. Ряд расторгнут. Несогласные есть? – Таэль на минуту замолчал, ожидая реакции наемников, – вот и хорошо.

Звякнули монеты, покотившись по столу, а говоривший резко добавил:

- А теперь, на выход. Мастер Трор ждать не будет, пока вы задницы в тепле отогреете.

Ратмир почувствовал, как ледяные мурашки пробежали по позвоночнику. Таэль, Трор – очень знакомые имена, до безумия знакомые. Ратмир бросил взгляд на брата, застывшего в своем углу. Озрик сидел, стиснув кулаки так, что побелели костяшки и, недобро прищурившись, провожал взглядом, выходящих за дверь, наемников. Ратмир украдкой перевел дух, брат смог себя сдержат.

- Ну, вот и встретились, Таэль, – тихо произнес Озрик, – пора вернуть долг...

Анариэль закрыла книгу, скользнув кончиками пальцев по строгому переплету. Последние строки врезались в память, словно выжженные раскаленным железом: «Что есть у нас – не бережём, что так и должно быть всегда считая. И лишь утратив – о потерянном скорбим...» Словно рукой поэта водила всемогущая Судьба, пожелавшая достучаться до разума упрямой дочери Звезд хотя бы так. Смахнув набежавшую слезинку, Анариэль грустно улыбнулась, вспомнив давний разговор...

Толкнув легко провернувшуюся на петлях узорчатую створку двери, Анариэль вошла в библиотеку. Легко ступая по пушистому ковру, совершенно скрадывавшему звуки шагов, Анариэль прошла сквозь длинный зал, своды которого терялись во тьме, вдоль стеллажей, заполненных книгами, большими и маленькими, грудами свитков в футлярах, чехлах и просто перетянутых шнурком и кипами еще не подшитых листов пергамента. Тут и там попадались массивные тубусы с картами и подробными землеописаниями самых дальних уголков обитаемых земель. Все это богатство ныне было погружено в дремотный сумрак и лишь в дальнем конце зала, там, где стены дворца прорезали окна, выходящие на Сияющий Лог, мерцал свет.

Дрожащие огоньки свечей, укрепленных в изящном подсвечнике, освещали массивный стол, застеленный картой берегов Туманного моря. На краю стола лежали раскрытые книги, листы пергамента, частью покрытые строками, сделанными размашистым почерком, обломанные и еще не заточенные перья. На приставном столике, примостившемся с краю, возвышался кувшин с тонким горлышком и несколько кубков на бронзовом подносе. В глубоком кресле с удобством расположился посланник императора людей, увлеченно читая древнюю книгу в переплете из потертой кожи, украшенном затейливым листовым узором из тонких серебряных нитей.

«Послания Владычицы Вейане потомкам отдаленным и ближним» прочитала Анариэль название на обложке фолианта. В этот момент Озрик, прервав чтение, нетерпеливо перелистнул страницу и подняв глаза, заметил дочь Владыки.

– Доброго вечера, Ваше Высочество, – граф отложил книгу и поднялся, приветствуя хозяйку дворца учтивым поклоном.

– Скорее уж, доброй ночи, граф, – чуть заметно улыбнулась Анариэль, отвечая на поклон легким кивком, – не ожидала встретить вас здесь в столь поздний час.

- Вина? – предложил Озрик.

Анариэль подошла к столу и, опустившись в пустующее кресло, кивнула.

– Вас удивляет время моего посещения библиотеки или сам факт посещения, ваше высочество? – спросил Озрик, наполняя второй кубок темным кахарским вином и протягивая его Анариэль.

– Мне казалось, что ваши интересы лежать в несколько другом русле, более прагматичном что ли. По правде говоря, мне удивительно видеть, что человек... – она замолчала, подыскивая правильные слова, мгновенно почувствовав, как мрачнеет собеседник, словно над горизонтом поднимается громада грозных облаков.

– Умеет читать? – закончил фразу Озрик. Граф по-прежнему учтиво улыбался, но глаза его потемнели от поднимающегося гнева, и взгляд стал тяжелым, будто свинцовая плита.

– ...понимает эльфийское письмо, – спокойно возразила Анариэль, – наш язык сложен и во многом противоречив. Не многие инородцы могут правильно говорить на Велья, тех же, кто может правильно читать и писать на нем, можно счесть по пальцам.

Ощущение неминуемой грозы отступило, и Анариэль перевела дух, мысленно поклявшись впредь тщательнее подбирать слова в разговоре. Обижать гостя было бы верхом неприличия.

– Кроме того, вы читали «Послания». Станный выбор для имперского нобиля изучать хроники деяний эльфов давно ушедших эпох. Тем более, что полки библиотеки полны более практичных и не менее интересных книг, – Анариэль легко коснулась лежащего на столе тома «Штормовых морей описания с картами, гравюрами и мерами пути».

– Боюсь ваше мнение о людях несколько неверно, – граф говорил на велья без усилий с чуть слышным акцентом, – я достаточно хорошо знаю Велья, чтобы не только говорить, но и читать на языке Детей звезд. – Озрик улыбнулся, открыто и чуть смущенно, – что же до выбора книги, где еще удастся узнать историю столь же интересную, сколь и древнюю. Библиарий Итиля богат, но таких трактатов там днем с огнем не сыскать.

– Вам интересна история эльфов, граф? – Анариэль с еще большим интересом посмотрела на собеседника. Образ посланника императора, составленный до этого, менялся на глазах.

– Отчего же нет? Любые знания слишком ценны, чтобы пренебрегать возможностью обогатить свой разум. Кроме того, в истории часто сокрыты ответы на многие вопросы. Надо лишь хорошенько поискать.

– И что же вы ищете сейчас?

– Эльфы, создавая и возвеличивая свое государство, сталкивались со множеством разных народов и племен. Мыслию, что подобные встречи не всегда кончались мирно. Я хотел бы знать, что стало причиной вражды, и как можно было бы её избежать.

– Странное желание, – задумчиво протянула Анариэль, – а какой же вам, граф, в этом интерес?

– Сугубо практический, Ваше Высочество, – пожал плечами Озрик и повторил: – сугубо практический. Очень часто древняя вражда слишком дорого обходится моей стране.

– Даже так? – Анариэль откинулась на спинку кресла, чувствуя, что не зря заглянула сегодня в библиотеку. Разговор с графом захватил её полностью. Этот человек разительно отличался от своих соплеменников, которых Анариэль видела раньше, их интересы редко простирались дальше собственной выгоды.

– Земли империи лежат между анклавами гномов и эльфов. Пограничные стычки, карательные рейды, схватки и набеги заставляют моего Императора держать значительные силы на границах, – Озрик одним глотком допил остатки вина и поставил кубок рядом с опустевшим кувшином. – В бессмысленных стычках гибнут воины, горят порубежные селения, зарастают бурьяном плодородные земли. Терпение Императора велико, людям ни к чему гномьи шахты или эльфийские чащобы, но оно не безгранично. Если не будет мира на границах – будет большая война, которой мне бы хотелось избежать.

– И вы верите, граф, что подобное возможно? – тихо спросила Анариэль – Мир между всеми? Не смотря на моря крови пролитой за долгие века вражды?

– Да, Ваше Высочество, – твердо сказал Озрик, и было видно, что эта идея владеет им уже давно, и он многое успел осмыслить за это время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.